

ЗОЛОТОЙ ВЕК АНГЛИЙСКОГО ДЕТЕКТИВА

НАЙО

МАРШ

.....

.....

МНИМАЯ
БЕСПЕЧНОСТЬ

.....

Найо Марш
Мнимая беспечность
Серия «Золотой век
английского детектива»
Серия «Родерик Аллейн»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8983498

*Пение под покровом ночи. Мнимая беспечность (сборник) / Найо Марш:
Триада; Москва; 2018
ISBN 978-5-17-117918-2*

Аннотация

Театральные дивы известны несносным характером, за который так и хочется убить, – и с легендарной Мэри Беллами (в замужестве – миссис Темплтон) это действительно произошло: ее убили. Причем в ее собственный день рождения.

Но кто лишил театралов их любимой звезды? Инспектор Родерик Аллейн понимает: буквально у всех присутствовавших в ее доме в тот день был и веский мотив, и возможность расправиться с актрисой...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	48
Конец ознакомительного фрагмента.	91

Найо Марш

Мнимая беспечность

Джемайме с любовью

© Ngaio Marsh Ltd, 1960

© Перевод. Н.В. Рейн, 2016

© Издание на русском языке AST Publishers, 2019

Глава 1

Дом на Пардонерс Плейс – 9.00 утра

Когда она умерла, показалось, что любовь, которую она внушала множеству людей, вдруг расцвела пышным цветом. Прежде она никогда не понимала, как сильно ее любят, не предполагала, что гроб с ее телом будут нести шестеро молодых мужчин, которых попросили воздать ей эту последнюю почесть: нести ее на своих сильных плечах столь бережно и так целеустремленно.

Там были и какие-то совсем незначительные люди: ее старая Нинн, еще семейная нянюшка, с лицом, похожим на башмак, она громко рыдала. И Флоренс, ее костюмерша, с букетиком примул, потому как именно эти цветы всегда стояли у нее в вазочке, в гримерке перед зеркалом. И Джордж, швейцар, дежуривший на входе в театр «Единорог». Он был трезвее трезвого и говорил всем, кто пожелал его выслушать, что она была поистине великой женщиной. И Пинки Кавендиш, она просто обливалась слезами, и Морис, верный ее телохранитель с неподвижной верхней губой. Словом, толпы людей, многих из которых она узнавала и вспоминала с трудом, но которых успела озарить бесценным даром своего обаяния.

Ну и, разумеется, все рыцари и дамы, и сливки театрального сообщества тоже, и Таймон Гэнтри, величайший продюсер, который так часто задействовал ее в своих постановках. И Берти Сарацин, который создавал эскизы ее костюмов еще с тех незапамятных времен, когда она играла эпизодические роли, а затем уже поднялся до нынешних высот и обрел благодаря ей известность, а она – славу. Но не ради этой славы они пришли сказать ей «последнее прости». Нет, все они пришли просто потому, что любили ее.

Ну а Ричард? Да, и Ричард тоже был здесь, бледный и удрученный. Ну и... да, разумеется, в последнюю секунду промелькнуло в голове, и Чарльз тоже.

Мисс Беллами остановилась, захлебнувшись в своих фантазиях. Слезы радости застилали глаза. Она часто развлекалась, строя планы на собственные похороны, и всякий раз была растрогана до крайности. Смущал лишь один неоспоримый факт: сама она будет мертва и не сможет насладиться этим зрелищем. Сама она будет лишена возможности созерцать этот погребальный обряд, и в этом ощущалась ужасная несправедливость.

Но, может, она все же каким-то образом узнает, увидит? Может, будет гордо витать над этим шоу, никем не замеченная, используя свой знаменитый дар устраивать грандиозные спектакли, казалось бы, без всяких видимых усилий со своей стороны? Возможно?.. Тут она ощутила некоторую неловкость, напомнила себе о своем замечательном пышном тело-

сложении и решила подумать о чем-то другом.

А думать было о чем. О новой пьесе. О своей роли – весьма значительной и интересной. О долгом монологе, где она будет рассуждать о том, что нельзя падать духом, невзирая на возраст, и смотреть на будущее с ироничной улыбкой. Нет, Ричард написал его несколько иначе, самой ей хотелось, чтобы та же мысль была выражена более простыми словами. Может, стоит выбрать момент и предложить ему ввести несколько более простых предположений, и от этого монолог зазвучит куда более выразительно, чем использовать эти сухие фразы, которые просто чертовски трудно запомнить? Ей хотелось – тут на поверхность всплыло истрепанное слово «уловка», но она тотчас отогнала его, – ей хотелось придать всему, что она будет говорить и делать на сцене, истинного тепла и человечности, ведь это всегда было движущей силой ее таланта. Она верила в гуманизм. Возможно, с Ричардом удастся переговорить как раз сегодня утром. Он, разумеется, заявится со своими поздравлениями и пожеланиями. Ведь сегодня у нее день рождения! Ей следовало бы заранее обдумать свое поведение, чтоб избежать неловкостей. Она должна любой ценой устранить каверзные вопросы, ответ на которые может выдать ее возраст. Сама она вполне осознанно и с упорством, присущим какому-нибудь йогу, запрещала себе думать о возрасте, и благополучно о нем забыла. Никто не знал, сколько ей лет, кроме Флоренс, но та кремень и будет держать рот на замке. И еще старой нянюшки – вот

Нинн, следует признать, становилась болтлива, выпив стаканчик-другой портера. Но ничего, с божьей помощью она как-нибудь справится и с этим.

Ведь, в конечном счете, главное, как ты себя чувствуешь и как выглядишь, остальное не важно. Она приподняла голову с подушки, повернулась. И увидела свое отражение в высоком зеркале над туалетным столиком. Неплохо, совсем даже неплохо, подумала она, тем более в такой ранний час и без грима. Она потрогала свое лицо в нескольких местах, разгладила кожу на висках и у подбородка. Так делать подтяжку или нет? Пинки Кавендиш была обеими руками за, говорила, что сегодня это вполне рутинная процедура и что кожа разглаживается прекрасно. Но как тогда быть с ее знаменитой треугольной улыбочкой? Продолжая натягивать кожу, она улыбнулась. Все еще треугольная.

Мисс Беллами позвонила в колокольчик. Как это приятно – думать, что весь небольшой штат ее прислуги в доме только и ждет этого сигнала. Флоренс, Куки, Грейсфилд, горничная, посудомойка и еще одна приглашенная со стороны женщина – все они собрались на кухне и готовятся к великому дню. Старая нянюшка, у которой уже давно начался бессрочный отпуск, сидит в постели с «Ньюс оф зе Уолд» или же спешно довязывает из остатков пряжи ночной жакетик, над которым провозилась бог знает сколько времени и который наверняка вручит ей в качестве подарка. Ну и, конечно же, Чарльз. Странно, но почему-то мисс Беллами почти никогда не уде-

ляла мужу внимания в своих размышлениях, хоть и очень любила его. Она поспешила ввести его в эту картину. Чарльз наверняка дожидается Грейсфилда, который придет и доложит, что хозяйка проснулась и звонила. Ну и затем непременно появится здесь с розовой от бритья и умывания физиономией и в халате сливового цвета, который совершенно ему не идет.

Послышалось бряканье и какой-то шум. Дверь распахнулась, вошла Флоренс с подносом.

– Утро в разгаре, дорогуша, – сообщила она. – Ну, как чувствуешь себя в свои восемнадцать?

– Старая дура, – отозвалась мисс Белами и улыбнулась. – Чувствую себя просто отлично.

Флоренс ловко взбила подушки у нее за спиной и поставила поднос ей на колени. Потом раздернула шторы и разожгла камин. То была маленькая бледная женщина с черными крашеными волосами и сардоническим взглядом темных глаз. Она служила костюмершей мисс Беллами на протяжении двадцати пяти лет, и лет пятнадцать была ее личной горничной.

– Три поздравления уже прибыли, – объявила она. – Прекрасное начало утра.

Мисс Беллами взглянула на поднос. Там в плетеной корзинке лежала целая пачка телеграмм. На большой тарелке были рассыпаны разноцветные орхидеи, рядом примостился пакет в серебряной обертке, перевязанный розовой ленточ-

кой.

– Интересно, что тут у нас такое? – спросила она, как всегда спрашивала в свой день рождения на протяжении последних пятнадцати лет, и взяла пакет.

– Цветы от полковника. Подарок он принесет позже, ну, как обычно.

– Да я не о цветах говорю, – заметила мисс Беллами и вскрыла пакет: – О, Флори! Флори, дорогая!

Флоренс гремела поленьями.

– Его, должно быть, принесли совсем рано, – пробормотала она. – Иначе бы никто и внимания не обратил.

В коробке лежала женская сорочка из тончайшей, как паутинка, ткани с богатой и искусной вышивкой.

– Иди сюда! – сказала мисс Беллами, любуясь подарком.

Флоренс подошла к постели, со страдальческим видом подставила щеку для поцелуя. И лицо ее покраснело. Секунду-другую она смотрела на хозяйку с какой-то почти болезненной преданностью, затем отвернулась, чтобы скрыть выступившие на глазах слезы.

– Нет, это просто предел мечтаний! – воскликнула мисс Беллами, продолжая любоваться сорочкой. – Все, ничего мне больше не надо! Получить такую красоту в такой день! – Она качала головой, продолжая изумляться. – Жду не дождусь, когда ее надену, – добавила она. Актриса действительно была очень довольна подарком.

– Ну и еще обычная почта, – проворчала Флоренс. – Куда

больше, чем обычно.

– Правда?

– Лежит на подносе в холле. Принести?

– После ванной, дорогая, хорошо?

Флоренс принялась открывать дверцы и ящики и выкладывать наряды, в которых должна была появиться сегодня ее хозяйка. Мисс Беллами, сидевшая на строгой диете, выпила чаю, съела тост и принялась вскрывать телеграммы, сопровождая каждую радостными восклицаниями.

– Берти, дорогой! Какое милое, хоть и краткое послание! И еще, Флори, тут телеграмма от Бэнтинга, из Нью-Йорка. Благослови их Господь!

– Мне говорили, будто шоу закрывают, – сказала Флоренс, – и я ничуть не удивлена. Грязное и скучное во всех отношениях. Тебе не к лицу в нем участвовать.

– Ничего ты в этом не понимаешь, – рассеянно заметила мисс Беллами. И с удивлением уставилась на очередную телеграмму. – Нет, – сказала она. – Это не правда. Это не правда! Ты только послушай, дорогая моя Флори! – И с чудесными модуляциями своего красивого голоса мисс Беллами прочла вслух следующее: – «Она явилась на этот свет из чрева утренней росы и помогла постичь концепцию всей красоты рассвета».

– Омерзительно, – пробормотала Флоренс.

– А я нахожу, что очень трогательно. Но кто он такой, скажи на милость, этот Октавиус Брауни?

– Понятия не имею, душа моя. – Флоренс помогла мисс Беллами переодеться в неглиже дизайна Берти Сарацина, затем пошла в ванную комнату. Мисс Беллами уселась перед зеркалом и принялась за предварительную работу над лицом.

Тут раздался стук в дверь, отделявшую ее спальню от спальни мужа, и он вошел. Чарльзу Темплтону исполнилось шестьдесят, то был высокий светловолосый господин с солидным брюшком. На темно-красный халат свисал монокль, тщательно причесанные волосы изрядно поредели и стали тонкими и пушистыми, как у младенца. А красноватое лицо, обычно ассоциирующееся с сердечным заболеванием, было чисто выбрито. Он поцеловал жене руку, потом чмокнул в лоб и положил на столик маленький пакетик.

– С днем рождения, Мэри, дорогая, всех тебе благ, – сказал он. Двадцать лет назад, выходя за него замуж, она сказала, что он обаял ее своим красивым голосом. Голос до сих пор был хорош, только теперь мисс Беллами больше этого не замечала, что не мешало ей внимательно слушать, что слова мужа.

Тем не менее ответила она на его поздравления весело и даже игриво, и выразила восхищением подарком – браслетом с бриллиантами и изумрудами. Даже для Чарльза то был слишком щедрый подарок, и на мгновение мисс Беллами вдруг вспомнила, что и он, как старая нянечка и Флоренс, знает, сколько лет ей исполнилось. И подумала: может, он

намеренно хотел подчеркнуть этим подарком круглую дату? Есть несколько цифр, которые одним своим видом – тяжеловесным и округлым – навевают тоску и напоминают о старости. К примеру, цифра пять. Но мисс Беллами тут же отогнала эти мысли и показала ему телеграмму.

– Хотелось бы знать, как ты отнесешься к подобному поздравлению, – сказала она и отправилась в ванную, оставив дверь открытой. Вернулась Флоренс и стала застилать постель, всем видом давая понять, что больше таких глупостей не потерпит.

– Доброе утро, Флоренс, – сказал Чарльз Темплтон. Вставил монокль и подошел к аркообразному окну с телеграммой.

– Доброе утро, сэр, – деревянным голосом откликнулась Флоренс. Лишь оставшись наедине с хозяйкой, она позволяла себе самые вольные высказывания.

– Ты когда-нибудь видел, – окликнула его из ванной мисс Беллами, – нечто подобное?

– Но ведь это же просто восхитительно, – заметил Чарльз. – И так мило со стороны Октавиуса.

– Хочешь сказать, он тебе знаком?

– Октавиус Брауни? Ну, конечно, я его знаю. Старый знакомец по книжному магазину «Пегас». Поселился в нашем доме, наверху, еще до того, как мы сюда въехали. Замечательный человек.

– Разрази меня гром! – воскликнула мисс Беллами, плес-

каясь в ванной. – Ты имеешь в виду эту мрачную маленькую квартирку, где на подоконнике вечно сидит жирный котище?

– Именно. Он специализируется по литературе дюжобинского периода.

– Так вот откуда все эти аллюзии с чревом и концепциями? О чем именно он думал, этот бедняга мистер Брауни?

– Это цитата, – ответил Чарльз, роняя монокль на грудь. – Из Спенсера. Кстати, на прошлой неделе я купил у него замечательный томик Спенсера. И он, несомненно, полагает, что ты его читала.

– Ну, тогда конечно. Придется притвориться, что читала. Наверное, надо позвонить ему и поблагодарить. Добрый мистер Брауни!

– Кстати, они большие друзья с Ричардом.

– Кто? Кто это «они»? – настороженно уточнила мисс Беллами.

– Октавиус Брауни и его племянница. Очень симпатичная девушка. – Чарльз покосился на Флоренс и после паузы добавил: – А звать ее Аннелида Ли.

Флоренс откашлялась.

– Быть того не может! – усмехнулся голос в ванной. – Аннелида! Звучит прямо как название крема для лица!

– Это из Чосера.

– Тогда, наверное, кота зовут не иначе, как Петр Пахарь¹.

¹ Петр Пахарь – персонаж средневековой аллегорической поэмы Уильяма Лэнгленда «Видение Петра Пахаря». – *Здесь и далее: примеч. пер.*

– Нет. Это из предыдущего периода. Кота зовут Ходж.

– Странно. Никогда не слышала, чтобы Ричард упоминал ее имя.

– Как выяснилось, она тоже выступает на сцене, – сказал Чарльз.

– О боже!

– В этом новом любительском театре, ну, что сразу за Уолтон-стрит. «Бонаventura»².

– Ни слова больше, мой бедный Чарльз! Всеу есть предел. – Чарльз тотчас умолк, и мисс Беллами спросила: – Ты еще здесь?

– Да, дорогая.

– А откуда ты знаешь, что Ричард с ними близок?

– Время от времени видел его там, – ответил Чарльз и после небольшой заминки добавил: – Я тоже сблизился с ними, Мэри.

Снова повисло молчание, затем веселый голос прокричал из ванной:

– Флори! Принеси мне... Ну, сама знаешь, что.

Флоренс подхватила выбранные ею вещи и понесла в ванную.

Чарльз Темплтон смотрел из окна на маленькую лондонскую площадь, залитую лучами яркого апрельского солнца. На углу Пардонер-Роу женщина продавала цветы – сидела,

² «Бонаventura» – в переводе с итальянского «Хорошее начинание», «Успешная затея».

утопая в целом море тюльпанов. Тюльпаны были повсюду. Даже его жена превратила подоконник аркообразного окна в цветник, и выращивала на нем не только тюльпаны, но и множество рано зацветающих азалий, некоторые бутоны еще не распустились. Он рассеянно рассматривал эти цветы и вдруг заметил среди них жестяной баллончик со спреем. На этикетке красовалась надпись: «Распылитель от насекомых и садовых вредителей». Ниже была наклейка с предупреждениями, что неправильное использование этого средства может привести к летальному исходу. Чарльз рассмотрел эти надписи в монокль.

– Флоренс, – сказал он, – не думаю, что здесь самое подходящее место для этой опасной штуки.

– Вот и я то же самое ей говорю, – заметила, вернувшись из ванной, Флоренс.

– Здесь столько предупреждений. Этот яд нельзя использовать в замкнутом пространстве. А она, наверное, так и делает?

– Да я ей говорила, все бесполезно, – ответила Флоренс.

– Нет, не нравится мне это. Может, выбросишь ее?

– Ага, и получу за это такой нагоняй, что мало не покажется, – проворчала Флоренс.

– И тем не менее, – настаивал Чарльз, – это гадость надо выбросить. Может, скажешь, что куда-то задевалась?

Флоренс окинула его полным презрения взглядом и что-то пробормотала себе под нос.

– Что ты сказала? – спросил он.

– Сказала, что не так-то это просто. Она все знает. Читать умеет. Я ей говорила. – Тут Флоренс, гневно сверкнув глазами, уставилась на него. – Я принимаю приказы только от нее. Так было и так оно всегда будет.

Чарльз молчал секунду-другую.

– Это верно, – проговорил он. – И все же... – Тут он услышал голос жены. Она выключила душ, вздохнула и вышла в спальню.

На мисс Беллами красовался наряд – подарок от Флоренс. На паркет падало пятно солнечного света, и она позировала в нем, радостная и не осознающая, как это полупрозрачное одеяние ее разоблачает.

– Ты только посмотри на мою новую шикарную сорочку! – воскликнула она. – Подарок от Флоренс! Вот самый подходящий туалет для дня рождения.

Она обставила свой «выход» умело, комично и провокационно одновременно, в духе французских фарсов.

Голос, который она некогда назвала чарующим, произнес:

– Потрясающе. Как это мило со стороны Флоренс. – Ради приличия Чарльз выждал еще немного, потом добавил:

– Что ж, дорогая, оставляю тебя наедине с твоими маленькими тайнами. – И отправился завтракать в одиночестве.

II

Не было никаких особых причин, по которым Ричард Дейкерс должен был пребывать сегодня в приподнятом настроении, напротив, имелись весьма веские причины вовсе не радоваться этому дню. Тем не менее, продвигаясь на автобусе, а затем и пешком к дому на Пардонер, он вдруг испытал сильнейший подъем духа – бесценнейшим даром Лондона всегда было умение заряжать людей энергией. В автобусе он разместился на переднем сиденье и ощущал себя фигурой на носу корабля, разрезающего поток движения на Кингз Роуд, величественно высился над всем вокруг во всем своем великолепии. Магазины Челси были забиты тюльпанами, и, сойдя с автобуса, Ричард дошел до угла Пардонерс Роу, где сидела знакомая ему цветочница, со всех сторон обставленная ведрами с тюльпанами – некоторые цветы были еще в бутонах.

– Доброго утречка, дорогой, – сказала цветочница. – Чудо что за денек сегодня, верно?

– День просто божественный, – согласился с ней Ричард. – И ваша шляпка очень идет вам, миссис Тинкер, и выглядит, как нимб.

– Еще бы, натуральная соломка, – сообщила миссис Тинкер. – Всегда надеваю соломенную шляпу на вторую субботу апреля.

– Афродита, явившаяся из морской раковины, не могла

бы сказать лучше. Я возьму две дюжины вон тех, желтеньких.

Она завернула тюльпаны в зеленую бумагу.

– Только для вас десять шиллингов, – заявила миссис Тинкер.

– Просто разорение! – воскликнул Ричард и протянул ей одиннадцать шиллингов.

– Нищета. Но какого черта? Тут больше.

– Все верно, дорогая, шиллингом больше или меньше – роли не играет. Вам тюльпаны, леди? Не проходите мимо! Чудесные тюльпаны!

Взяв в одну руку букет и зажав полевую сумку под мышкой, Ричард обогнул продавщицу и свернул вправо. Прошел мимо трех домов и подошел к «Пегасу», дому в георгианском стиле, который Октавиус Брауни переоборудовал в книжный магазин. В витрине на подставке лежали раскрытое первое издание Бейера³, а также книга Луи Дюшартра «Premieres Comedies Italiennes»⁴. Чуть глубже, в тени витрины висела марионетка, изображающая очень импозантного негра в полосатом шелковом наряде. Ну а в водянистых глубинах интерьера Ричард разглядел очертания трех прекрасно отполированных старинных стульев, прелестный инкрустированный столик и высокие полки с бесконечными рядами книг. Он различил также фигуру Аннелиды Ли – девуш-

³ Бейер (ум. в 1575) – норвежский религиозный и научный писатель.

⁴ «Premieres Comedies Italiennes» – «Первые итальянские комедии».

ка расхаживала среди дядиных сокровищ в сопровождении кота Ходжа. По утрам, если в театре не было репетиций, Аннелида помогала дяде. Она очень хотела стать настоящей актрисой. Ричард, понимавший в этом виде искусства, не сомневался, что она уже ею стала.

Он открыл дверь и вошел.

Аннелида протирала пыль, и на ней было домашнее черное платье – туалет строгий и бескомпромиссный. Волосы подхвачены белым шарфиком. Ричард уже успел понять, что бывает на этом свете какая-то особая неброская красота, не нуждающаяся в пышных и ярких нарядах, и что Аннелида в полной мере наделена ею.

– Привет, – поздоровался он. – Вот, принес вам тюльпаны. Доброе утро, Ходж. – Кот бегло взглянул на него, нервно дернул хвостом и отошел.

– Какая прелесть! Но день рожденья у меня не сегодня.

– Это не важно. Цветы потому, что утро сегодня просто чудесное, и миссис Тинкер надела соломенную шляпу.

– Прямо и не знаю, как благодарить, – сказала Аннелида. – Подождите, надо поставить их в воду. Был где-то у нас такой зеленый кувшин.

И она скрылась в глубине помещения. А потом Ричард услышал знакомый шаркающий звук и постукивание. Это ее дядя, Октавиус, спускался по лестнице, опираясь на черную трость. То был высокий мужчина лет шестидесяти трех с густой копной седых волос и лукавым выражением лица. Он

имел привычку поглядывать на людей уголком глаза, словно давал им понять, какой он озорной и непослушный парень. Он был довольно обидчив, невероятно эрудирован и худ почти до прозрачности.

– Доброе утро, Дейкерс, мой дорогой, – произнес он. Увидел тюльпаны и дотронулся до одного цветка кончиком синеватого пальца. – Ах, – процитировал он, – «никакое искусство не сравнится с этой благородной простотой и прелестью, от ее Величества Матушки Природы ни убавить, ни прибавить ни единого штриха». Прекрасные цветы и, к счастью, лишены какого-либо запаха. Да, кстати, мы тут кое-что для вас откопали. Милейшая вещица и вполне в вашем духе, вот только, боюсь, дороговата. Не терпится выслушать ваше мнение.

Октавиус развернул сверток, лежавший на столе, и отошел в сторону, чтобы Ричард мог полюбоваться его содержимым.

– Как видите, старинная гравюра, – начал он, – мадам Вестрис⁵ en travesti в костюме жокея. – Он искоса взглянул на Ричарда. – Занятные коротенькие бриджи, согласны? Как думаете, мисс Беллами понравится?

– Не может не понравиться.

– Это раритет. Рамка современная. Боюсь, потянет на целых двенадцать гиней.

⁵ Мадам Вестрис – так звали в замужестве Люси Элизабет Мэтьюс-Бартолоции (1797–1838), британскую актрису и оперную певицу.

– Моя вещичка, – сказал Ричард. – Вернее, Мэри.

– Уверены? Что ж, прощу прощенья, должен оставить вас ненадолго. Схожу за Нелл, пусть сделает нарядную подарочную упаковку. Где-то там у нас завалялся кусок викторианской оберточной бумаги. Нелл, дорогая! Не могла бы ты...

Постукивая тростью, он отошел, вскоре вернулась Аннелида с зеленым кувшином, и его подарочный пакет был готов.

Ричард прикоснулся ладонью к своей сумке.

– Как думаете, что у меня здесь? – спросил он.

– Не... Случайно не пьеса? Не «Земледелие на небесах»?

– Горяченькая, только что от машинистки. – Он наблюдал за тем, как ее тонкие пальцы перебирают стебли тюльпанов. – Я собираюсь показать ее Мэри, Аннелида.

– Трудно было бы выбрать более подходящий день, – мягко отозвалась Аннелида, и когда он промолчал, спросила: – Что-то случилось?

– Дело в том, что там для нее нет роли, – выпалил Ричард.

Через секунду она заметила:

– Ну и что? Разве это имеет такое уж большое значение?

– Имеет. Если, конечно, дело дойдет до постановки. И кстати, Тимми Гэнтри просматривал ее и одобрительно хмыкал. И все равно, с Мэри как-то не вяжется...

– Но почему? Я не понимаю...

– Не так-то просто объяснить, – промямлил он.

– Вы уже написали для нее одну новую пьесу, и вроде бы

она была в восторге, разве не так? Тут что-то совсем другое.

– И эта пьеса значительно лучше. Вы же прочли ее.

– Во много раз лучше. Словно в другой мир попадаешь.

Все должны посмотреть спектакль по этой пьесе.

– И Тимми Гэнтри понравилась.

– Ну вот, видите? Она особенная, необыкновенная! Разве она этого не поймет?

– Аннелида, дорогая, – проговорил Ричард, – вы пока не знаете, что это такое – театр, правильно? И на какие выходы способны актеры.

– Ну, наверное, не знаю. Но знаю, что вы с ней очень дружны и что между вами прекрасное взаимопонимание. Вы же сами мне говорили.

– Да, так и есть, – согласился Ричард и погрузился в молчание.

– Вроде бы, – заговорил он после долгой паузы, – я никогда не рассказывал вам, что сделали для меня она и Чарльз?

– Нет, – ответила Аннелида. – Не припоминаю. Но...

– Мои родители, они родом из Австралии, дружили с родителями Мэри. Они погибли в автокатастрофе на Французской Ривьере, когда мне и двух еще не было. Родители Мэри от меня не отходили. Речь никогда не шла о деньгах. Обо мне заботилась ее старая нянюшка, та самая знаменитая Нинн. Ну а потом, когда она вышла замуж за Чарльза, они забрали меня к себе в дом. Я всем обязан ей. И мне хотелось думать, что я хоть как-то отплатил ей за доброту и заботу своими

пьесами. И вот теперь... сами понимаете, к чему это может привести.

Аннелида закончила расставлять тюльпаны в вазе и посмотрела прямо ему в глаза.

– Уверена, все уладится, – мягко заметила она. – Все будет хорошо. Слишком смело с моей стороны так рассуждать, но вы так много рассказывали мне о ней. Порой кажется, я хорошо знакома с этой женщиной.

– Мне очень хотелось бы вас познакомить. Кстати, это и является главной целью моего сегодняшнего визита. Разрешите заехать за вами в шесть и отвезти к ней? Там состоится вечеринка, надеюсь, вам будет весело, но прежде всего мне бы хотелось познакомить вас с ней. Вы согласны, Аннелида?

Она выдержала долгую паузу, потом ответила:

– Не думаю, что получится. Я... я сегодня вечером занята.

– А я вам не верю. Почему не хотите пойти?

– Просто не могу. Ведь это ее день рождения, сугубо личный праздник для самых близких и друзей. И нельзя приводить на него какую-то незнакомую женщину. К тому же никому не известную актрису.

– Почему бы нет?

– Это неприлично.

– Что за слово, однако? И с чего это вы, черт возьми, взяли, что познакомить двух самых симпатичных мне на этом свете женщин будет неприлично?

– Ну, не знаю... – протянула Аннелида.

– Да все вы прекрасно знаете и понимаете, – строго заметил Ричард. – Вы должны там быть.

– Мы же с вами едва знакомы.

– Жаль, что у вас сложилось такое мнение.

– Я хотела сказать... что познакомилась недавно...

– Что за увертки!

– Нет, послушайте...

– Извините. Очевидно, я слишком увлекся и выдавал желаемое за действительное.

И тут, когда они оказались почти на грани ссоры, которой никто из них не желал, послышался стук трости и вошел Октавиус.

– Да, кстати, Дейкерс, – весело заметил он, – я тут с утра поддался романтическому порыву. Оправил вашей патронессе поздравительную телеграмму, одну из сотен, которые она, несомненно, получит. Аллюзию, навеянную Спенсером. Надеюсь, она не обидится.

– Очень мило с вашей стороны, сэр, – громко сказал Ричард. – Она будет просто в восторге. Ей всегда нравилось внимание. Спасибо вам за то, что отыскиали эту гравюру.

И, забыв заплатить за подарок, он вылетел из магазина в самых расстроенных чувствах.

III

Дом Мэри Беллами располагался рядом с книжным ма-

газином «Пегас», но Ричард был слишком расстроен, чтобы сразу отправиться туда. Он обошел по кругу Пардонерс, Плейс, пытаясь привести в порядок свои мысли и чувства. Он уже имел за плечами печальный опыт, к счастью, встречающийся довольно редко, где жертва видит себя незнакомцем, как бы со стороны и в далекой перспективе. Процесс этот напоминал псевдонаучные фильмы, где показан рост какого-нибудь растения, и где путем технических уловок срок этот сокращается от нескольких недель до нескольких минут. Вот семя в земле поливают, затем оно дает росток, стебель вылезает на поверхность, с невероятной быстротой удлинняется, словно движимый некой невидимой силой, и наконец расцветает.

В случае с Ричардом этой неведомой силой была Мэри Беллами. Конечный продукт ее стараний на протяжении двадцати семи лет написал две успешных комедии для Уэст-Энда⁶, третье произведение лежало в сумке (тут он еще крепче зажал ее под мышкой) – и представляло собой серьезную пьесу.

Всем этим он был обязан Мэри Беллами и никогда не упускал случая сказать ей об этом. Ну, наверное, все же не совсем всем. Не этой серьезной пьесой.

Он почти завершил обход Пардонерс Плейс, и, не желая проходить мимо магазинной витрины, завернул обратно. По-

⁶ Уэст-Энд – западная часть центра Лондона, где сосредоточена концертная и театральная жизнь.

чему он так вспылал, когда Аннелида отказалась познакомиться с Мэри? И почему она отказалась? Да любая другая девушка на месте Аннелиды, с ноткой тревоги подумал он, запрыгала бы от радости, получив такое приглашение. Еще бы: день рождения великой Мэри Беллами! Ведь там соберутся сливки лондонского театрального общества. Театральное руководство. Продюсер. Да любая другая девушка... Тут он одернул себя, понимая, что если довести эти мысли до логического конца, то окажется в довольно неудобном положении. Да кто, собственно он сам такой, этот Ричард Дейкерс? Реальность растворилась, и он оказался лицом к лицу с незнакомцем. Такое с ним уже бывало, и особой радости не доставляло. Он тряхнул головой, отгоняя все эти мысли, принял решение, быстро зашагал к дому и позвонил в дверь.

Чарльз Темплтон завтракал у себя в кабинете, на первом этаже. Дверь туда была открыта, и Ричард сразу увидел его. Чарльз сидел и читал «Таймс», и, судя по всему, чувствовал себя вполне уютно среди шести тщательно подобранных изданий китайского фарфора, трех любимых картин, нескольких антикварных стульев и прелестного старинного стола. Чарльз всегда очень трепетно и с большим пониманием относился к окружавшим его предметам. Иногда годами ждал возможности приобрести нужную вещь – по его понятиям – сущее сокровище.

Ричард вошел.

– Чарльз! – воскликнул он. – Как поживаешь?

– Привет, старина. Пришел выразить свою преданность?

– Я что, первый?

– Первый, который делает это лично. Тут, как обычно, гора поздравительных писем и телеграмм. Мэри будет очень тебе рада.

– Тогда я наверх, – сказал Ричард, но все еще топтался на месте. Чарльз опустил газету. Как же часто, подумал Ричард, я видел этот жест. Он опускал газету, снимал очки и рассеянно улыбался. Ричард, все еще пребывающий в поисках истины, что было всегда ему свойственно, задался вопросом: насколько он хорошо знает Чарльза? Насколько привык он к этой его сдержанной любезности, этому слегка рассеянному взгляду? Каким бывает Чарльз в других местах? Является ли он, если верить слухам, столь неумолимо последовательным деловым человеком, сумевшим сколотить целое состояние? Или: каким любовником был Чарльз лет двадцать пять тому назад? Трудно представить, подумал Ричард, поглядывая на пустую нишу в стене.

И тут же спросил:

– Послушай, а куда девалась статуя музыкантши династии Тан?

– Исчезла.

– Исчезла? Как это? Разбилась, что ли?

– Испорчена. Откололся кусочек ее лютни. Думаю, работа Грейсфилда. Пришлось отдать статуэтку Морису Уорендеру.

– Но если даже так... то есть, хочу сказать, в старинных

вещах часто встречаются дефекты... Но разве можно было отдавать? Ведь это твое сокровище.

– Уже нет, – ответил Чарльз. – Ты же знаешь, я перфекционист.

– Это ты так говоришь! – воскликнул Ричард. – Но готов побиться об заклад, причина не в том. Морис всегда жаждал заполучить эту статуэтку. Ты поразительно щедр, старина.

– Ерунда, – буркнул Чарльз и снова взялся за газету. Ричард колебался. Затем вдруг слышал свой голос:

– Скажи, Чарльз, я когда-нибудь говорил тебе спасибо? Тебе и Мэри?

– За что, мой дорогой?

– За все. – Ричард решил прикрыться иронией. – За то, что приютили бедного сироту. Ну и за все такое прочее.

– Искренне надеюсь, что это взято не из поздравительного послания викария ко дню рождения.

– Просто вдруг осенило.

Чарльз выждал секунду-другую, затем произнес:

– Ты принес нам много радости, и наблюдать за тобой было жутко интересно. – Он заколебался, словно стараясь подобрать нужные слова для следующего высказывания. – Мы с Мэри, – вымолвил он наконец, – смотрели на тебя как на большое достижение. А теперь ступай и наговори ей кучу самых приятных слов.

– Да, – кивнул Ричард. – Пожалуй, пойду. Увидимся позже.

Чарльз поднес газету к глазам, а Ричард стал медленно подниматься наверх, пожалуй, впервые в жизни притворяясь, что не наносит официального визита мисс Беллами.

Мэри была у себя в комнате, разодетая в пух и прах, осыпанная подарками. Тут он сразу переключил скорость. Крепко обнял ее, прижал к сердцу, а затем чуть отстранил от себя и сказал, что выглядит она просто потрясающе.

– Дорогой, милый, милый! – игриво воскликнула Мэри. – Как замечательно, что ты пришел! Я так ждала, так надеялась!

Ричард про себя отметил, что было бы странно с его стороны не осыпать именинницу комплиментами. Еще раз поцеловал ее и вручил подарок.

Было еще рано, а потому энтузиазм ее пока не иссяк. И она восторженно заахала при виде гравюры, выражая свое восхищение, удивление и благодарность. Где, спрашивала она, где, скажите на милость, он раздобыл столь чудесный, исключительный подарок?

Именно на эту паузу в потоке восторгов и восхвалений и рассчитывал Ричард, и тотчас ею воспользовался.

– Нашел гравюру в «Пегасе», – ответил он. – Вернее, это Октавиус Брауни нашел ее для меня. Уверяет, что страшно редкая.

Ее треугольная улыбка не померкла. Глаза сияли, она не отпускала его руки.

– Ах да! – весело воскликнула она. – Этот старикан из

книжного магазина! Представляешь, дорогой, он прислал мне поздравительную телеграмму, где говорилось о моей концепции. Очень мило, но понять ничего не возможно.

– Да, он любит выражаться витиевато и заумно, – заметил Ричард. Мэри скроила смешную мину. – Вообще-то был когда-то ученым мужем, преподавал то ли в Оксфорде, то ли в Кембридже. Но не испытывал симпатии к рассерженным молодым людям, вот и предпочел открыть книжную лавку.

Мисс Беллами водрузила гравюру на туалетный столик и смотрела на нее, полузакрыв глаза. – У него вроде бы дочь? Кто-то мне говорил...

– Племянница, – сказал Ричард. И тут, к своему отвращению, почувствовал, как во рту у него пересохло.

– Должна ли я, – спросила Мэри, – спуститься вниз и поблагодарить его? Никогда не знаешь, как вести себя с такого сорта людьми.

Ричард поцеловал ей руку.

– Октавиус, это не сорт, дорогая. Он человек. Так что спустись, он будет в восторге. И да, Мэри...

– Что, мое сокровище?

– Я тут подумал, зная твою доброту... Может, ты пригласишь их выпить? Если, конечно, они тебе понравятся.

Она сидела за туалетным столиком и изучала свое лицо в зеркале.

– Прямо не знаю, – задумчиво пробормотала она, – стоит ли попробовать эти новые тени для век. – Мэри взяла

тяжелый флакон венецианского стекла с пульверизатором и щедро побрызгалась духами. – Надеюсь, кто-нибудь догадается подарить мне по-настоящему шикарные духи, – заметил она. – Эти почти закончились. – Она отставила флакон в сторону. – Выпить, говоришь? – спросила она. – Но когда? Не сегодня же!

– Почему бы не сегодня?

Она распахнула глаза.

– Но дорогой, мы же будем только смущать друг друга.

– Что ж, – пробормотал он. – Тебе, конечно, виднее.

Мэри снова смотрела в зеркало и не отвечала. Ричард открыл сумку и достал рукопись.

– Я тут кое-что принес – хочу дать тебе почитать. Это сюрприз, Мэри. – Он положил рукопись на туалетный столик. – Вот.

Она взглянула на титульный лист – «Земледелие на небесах». Пьеса Ричарда Дейкера.

– Дики? Дики, дорогой! Как прикажешь это понимать?

– Специально поберег для сегодняшнего дня, – ответил Ричард и тотчас понял, какую совершил ошибку. Мисс Беллами одарила его особым словно светящимся взглядом, означавшим, что она глубоко тронута. – О, Дики! – прошептала она. – Специально для меня? Ты мой дорогой!

Его охватила паника.

– Но когда? – спросила она, недоуменно качая головой. – Когда ты успел? И это при том, что ты завален работой. Не

понимаю! Нет, я просто потрясена, Дики!

– Работал над ней уже довольно долго. Это... это совершенно не похоже на другие мои пьесы. Это не комедия. Тебе может не понравиться.

– Так... ты написал что-то серьезное и великое? Наконец-то! – прошептала она. – Мы всегда знали, что это рано или поздно произойдет. И совершенно самостоятельно, да, Дики? Без всяких глупых подсказок со стороны старой, но любящей тебя Мэри, и предварительного прочтения?

Мэри говорила все то, что он и ожидал от нее услышать. И чувствовал себя просто отвратительно.

– Знаешь, – заметил Ричард, – пьеса может оказаться просто чудовищно скверной. Я много чего себе тут напозволял, и уже не понимаю, что скажут люди. Так что не будем омрачать этот светлый и великий день моими графоманскими опусами.

– Ты не мог сделать мне никакого другого подарка, осчастливившего хотя бы наполовину. – Она погладила рукопись выразительными, но уже не слишком молодыми руками. – Запрусь на часок перед ленчем и залпом проглочу ее.

– Мэри, – в отчаянии протянул он. – Не слишком обольщайся по поводу этой пьесы. Она совсем не в твоем духе.

– Не желаю больше ничего слышать! Ведь ты написал ее для *меня*, дорогой!

Ричард судорожно подбирал слова, чтоб хоть как-то объяснить ей, что все обстоит иначе, но тут она весело восклик-

нула:

– Хорошо! Там видно будет. Не стану тебя больше дразнить, обещаю. Так о чем мы там говорили?.. О твоих чудачках, знакомых из книжной лавки? Заскочу сегодня же утром, попробую составить о них впечатление, договорились? Ты рад?

Не успел он ответить, как в коридоре послушались два голоса, один старческий и неуверенный, другой звонкий как флейта альт. Они пропели:

– С днем рожденья тебя. С днем рожденья тебя!

С днем рождения, Мэри,

Поздравляем тебя!

Дверь отворилась. Вошли полковник Уорендер и мистер Берти Сарацин.

IV

Холостяку полковнику Уорендеру было шестьдесят, он доводился кузеном Чарльзу Темплтону, и некоторое фамильное сходство между ними было неоспоримым, хотя полковник выглядел стройнее и куда бодрее. Он держал себя в форме, всегда прекрасно одевался и носил такие ухоженные усики, что, казалось, их разгладили утюгом и прилепили к лицу. Осанка военная, манеры просто безупречные.

Мистер Берти Сарацин тоже выглядел безупречно, но в более артистичной манере. Рукава пиджака закатаны и от-

крывают манжеты со множеством розовых запонок. Кожа белоснежная, как берлинской фарфор, выющиеся волосы, голубые глаза и удивительно маленькие для мужчины руки. Мanners его отличала игривая беспечность. Он тоже был холостяком, что и понятно.

Они вошли вместе и устроили целое комическое представление. Уорендер изображал благодушного и сдержанного кавалера, Берти Сарацин – прима балерину. Он пританцовывал, делал па то в одну сторону, то в другую, кружился, высоко подняв в руках подарок, словно жертвоприношение, а затем с поклоном положил его к ногам мисс Белами.

– Боже, я выгляжу полным идиотом! – воскликнул он. – Быстро бери его, дорогая, иначе будет уже не так смешно.

Последовали приветствия, поздравления, затем Мэри начала рассматривать подарки. От Уорендера, который недавно побывал за границей, она получила перчатки из Гренобля, от Берти – миниатюрную скульптурную группу из пяти красоток купальщиц и фотографа, сделано все это было из базальтового дерева и полосок тонкой хлопковой ткани.

– Уверен, это самый симпатичный подарок из всех, которые ты получила, – сказал он. – Ладно, главная миссия выполнена, теперь пообщаюсь с остальными.

И он запорхал по комнате, отпуская шуточки. Уорендер, мужчина сдержанный и молчаливый, считался самым давним и верным обожателем мисс Беллами. Он решил перемолвиться словечком с Ричардом, который всегда относился

к нему с симпатией.

– Репетиции еще не начались? – спросил он. – Мэри говорила мне, что в восторге от новой роли.

– Пока еще нет, – ответил Ричард. – Обычная тягомотина, как и всегда.

Уорендер окинул его беглым взглядом.

– Первые дни – они всегда самые трудные, не так ли? – неожиданно заметил он. – Так что надо положиться на руки опытные и умелые, не так ли? – Он всегда заканчивал ремарки этим расхожим выражением.

– Попробовал, используя этот перерыв, заняться написанием более серьезного произведения.

– Вот как? Прекрасно. Мужчина всегда должен идти на риск, я в этом уверен.

– Приятно слышать, что вы придерживаетесь такого мнения! – воскликнул Ричард.

Уорендер разглядывал носки своих туфель.

– Никогда не соглашайся, – заметил он, – на нечто тебе претящее. Хотя вроде бы за тобой такого не числится.

Ричард подумал с благодарностью: «Именно таких слов я и ждал», но не успел выразить свои мысли вслух, потому как вошла старая Нинн.

Старую Нинн по-настоящему звали мисс Клара Пламтри, правда, почтительно прибавляли титул «миссис». Она вынянчила не только Мэри Беллами, но и Ричарда, когда Мэри и Чарльз взяли сироту в дом. Каждый год она брала отпуск

на две недели и уезжала навестить своих бывших хозяев. То была маленькая краснолицая и фантастически упрямая старушка. Никто точно не знал, сколько ей лет, считалось, что пошел восемьдесят второй год. Обычно нянюшек, живущих в семье, воспринимают как актрис на характерных ролях, не считают за полноценного человека. И старушка Нинн была главной героиней множества забавных историй Мэри Беллами. Порой Ричард задавался вопросом: уж не подыгрывает ли сама Нинн всем этим легендам? В весьма преклонном возрасте у нее вдруг появилась тяга к портеру, и под влиянием выпитого у нее возникали распри и недоразумения со слугами. И еще она находилась в состоянии партизанской войны с Флоренс, с которой, тем не менее, умудрялась поддерживать доверительные отношения. Всех ее «подданных», по словам мисс Беллами, объединяла глубокая преданность ей.

В светло-вишневой шали и платье в крупный цветочек – ибо она просто обожала яркие тона – старушка Нинн пересекла комнату. Уголки ее рта были опущены, в руках она держала пакет в простой оберточной бумаге, который и выложила на туалетный столик.

– С днем рождения, мэм... – буркнула она. Для человека столь малого роста у нее был на удивление глубокий голос.

Тут вокруг нее началась суета. Берти Сарацин попробовал подшутить в духе Меркуцио и назвал ее сестрицей Пламтри. Проигнорировав его, она обратилась к Ричарду:

– Что-то тебя последнее время не видать, – она одарила его укоризненным взглядом, в котором светилась неподдельная любовь.

– Был очень занят, Нинн.

– Говорят, будто все сочиняешь свои пьесы.

– Так и есть.

– Всегда был упрямым мальчишкой. Гляжу, так и не вырос.

Мэри Беллами развернула сверток и достала оттуда вязаный жакет вполне подходящих размеров, который накидывают на ночную сорочку. Она рассыпалась в благодарностях, но старая Нинн тут же ее оборвала.

– Связала в четыре слоя, – заявила она. – С годами начинаешь мерзнуть, и чем скорее ты смиришься с этим фактом, тем уютнее и спокойнее будет на душе. Доброе утро, сэр, – добавила Нинн, заметив полковника Уорендера. – Надеюсь, вы со мной согласны. Что ж, не буду задерживать.

И, сохраняя полную невозмутимость, она вышла из комнаты, где воцарилась тишина.

– Нет, это просто потрясающе! – с визгливым смешком заметил Берти. – Дорогая Мэри, меня просто снедает лихорадочное нетерпение. Когда, наконец, мы засучим рукава и приступим к осуществлению всех своих планов и задумок?

– Прямо сейчас, дорогой, если ты готов. Дики, сокровище мое, можно оставить тебя с Морисом? Придумайте себе какое-нибудь развлечение. А если понадобится помощь, мы

вам свистнем. Идем, Берти.

Мэри взяла его под руку. Он приняхался и экстатически закатил глаза.

– О, эти ваши духи, – воскликнул он. – Вроде бы как у всех, но этот запах прекрасней благовоний всех жен и наложниц царя Соломона вместе взятых! Вы пахнете весной! En avant⁷!

И они спустились вниз. Уорендер и Ричард остались в комнате, хранившей отпечаток ее личности и словно тянущийся шлейфом необычайно мощный запах ее духов.

Согласно давно установившейся традиции мисс Беллами и Берти готовили дом к празднеству. Ее кабинет располагался за первой дверью слева на первом этаже. То было продолговатое помещение в стиле георгианского салона, где одна дверь выходила в холл, а другая – в обеденный зал. Из зала можно было попасть и в холл, и в оранжерею, это последнее помещение составлял предмет особой ее гордости. За оранжереей находился небольшой внутренний дворик с садом. Когда все двери были открыты, пространство зрительно увеличивалось. Берти сам занимался «декором» и использовал дорогую старинную французскую парчу. Заранее нарисовал букеты из бледных махровых роз в глубоких нишах над дверьми и на стенных панелях и где-то подобрал весьма изящные канделябры. В этом году все цветы должны были быть только желтые и белые. Он взялся за работу с прису-

⁷ En avant (фр.) – Вперед.

щей ему энергией и энтузиазмом, предварительно позаимствовав у лакея Грейсфилда фартук. Мисс Беллами тоже накинула недавно вошедший в моду фартук с нагрудником в оборку, натянула кожаные перчатки и принялась весело порхать по оранжерее, обрывая засохшие цветки и лепестки и переставляя цветочные горшки. Садоводством она занималась с энтузиазмом. Они перекликались, переходя из комнаты в комнату, обменивались театральными сплетнями и время от времени переходя на сценический жаргон.

– Ау! Что там у тебя, дорогуша?

– Ку-ку! Ты просто глазам своим не поверишь! – Именно такой способ общения они избирали в подобных случаях. И получали от процесса огромное удовольствие, и вот из-под умелых пальцев Берти вышли букетики белых и золотистых цветов, а также совершенно прелестные гирлянды для украшения стола. Мисс Беллами тоже старалась, как могла.

Они занимались всем этим примерно с полчаса, и Берти удалился в «цветочную» комнату, когда Грейсфильд привел мисс Кэйт Кавендиш, которую близкие называли просто Пинки.

Пинки была моложе своей прославленной современницы и не так знаменита. Она выступала на вторых ролях во многих постановках с мисс Беллами, и их личные взаимоотношения, к ее неудовольствию, копировали профессиональные. У нее было веселое миловидное личико, одевалась она просто и со вкусом, обладала искренностью и прямоотой

мышления. Словом, то была весьма привлекательная женщина.

– Я просто вся горю и пылаю, дорогуша! – воскликнула она. – Воспарила духом, через минуту поймешь, почему. Сорок тысяч поздравлений и пожеланий, Мэри! И пусть твой силуэт ни увеличится ни на йоту! Вот тебе мое скромное подношение.

То был флакон новых духов от прославленной фирмы, и назывались они «Врасплох».

– Мне контрабандой доставили из Парижа, – сказала Пинки, – здесь они еще не продаются. Надо нанести на мочки ушей, всего капельку, так мне сказали, и тогда все спутники собьются с курса.

Мисс Беллами настояла, чтобы флакон открыли. Нанесла чуточку на запястья и понюхала.

– Но Пинки, – пробормотала она, – это, пожалуй, уж слишком! Да они плотины способны взорвать, дорогая! Честное слово!

– Хороши, правда?

– Попрошу Флори добавить их в мой спрей. Сию же минуту. Пока Берти до них не добрался. Сама знаешь, что он за птица.

– А что, Берти здесь? – быстро спросила Пинки.

– В цветочной комнате.

– О...

– А почему спрашиваешь? Вы что, поцапались?

– Да нет, что ты, – ответила Пинки. – Просто... сейчас не очень хочется выдавать ему этот секрет, тем более что он имеет прямое отношение к Берти. Боже, что это со мной? Нет, правда, я сегодня слегка под мухой.

– Ты? Но ты же никогда не прикладывалась к спиртному по утрам.

– Да, верно. Но по такому случаю, Мэри... Словом, выпила чуток с руководством театра. По две маленьких, но на пустой желудок. И вот тебе результат!

– *С руководством?* – резко спросила мисс Беллами.

– Удивлена, верно?

– И Берти имеет к этому отношение?

Пинки дико расхохоталась и заметила:

– Если не расскажу кому-то все прямо сейчас, просто лопну! Вот и выбрала тебя. И Берти, да благослови его Господь, придется это проглотить, потому как косвенно он тоже приложил к этому руку, за что я ему чрезмерно благодарна.

Мэри Беллами не сводила с подруги настороженного взгляда, а затем переспросила:

– Благодарна?

– Ладно. Понимаю, что совсем тебя запутала. Теперь по порядку. Дорогая, я получила главную роль в новой пьесе Бонго Дилона. В «Единороге». Премьера в сентябре. Готова побиться об заклад, ты мне не веришь, но это правда. Все решено, и контракт будет подписан. Моя первая главная роль, Мэри! О, Боже, как же я счастлива!

Знакомое тянущее и неприятное ощущение под диафрагмой предупредило Мэри Беллами, что она крайне расстроилась. Одновременно она понимала, что каким-то образом надо выразить восторг по этому поводу, тепло поздравить подругу, проявить соучастие, преодолеть это ужасное, угрожающе противное ощущение подкатившей к горлу тошноты, которое охватило ее при сообщении Пинки.

– Милая моя! – воскликнула она. – Как же чудесно! – Она тут же отметила про себя, что вложила не слишком много эмоций, поздравляя старую подругу по сцене, но Пинки была слишком возбуждена и ничего не заметила. Она продолжала болтать о фантастических выгодных условиях контракта, о славе, которая ее ждет, о необыкновенно чутком отношении руководства (руководства мисс Беллами, тут же с болью в сердце отметила ее подруга), и о том, что мечта ее наконец сбылась. Таким образом мисс Беллами получила передышку. И тут же принялась сочинять соответствующие случаю ремарки. И вот, когда Пинки окончательно выдохлась, она заметила с почти неподдельной искренностью:

– Знаешь, Пинки, это будет великим твоим достижением!

– Я знаю это! Просто чувствую! – восторженно прорыдала Пинки. – Пожалуйста, Господи, сделай так, чтобы все получилось! Прошу тебя Боже, помоги мне.

– Да все у тебя получится, дорогая, – заметила Мэри, и не удержавшись, добавила: – Правда, сама я этой пьесы не читала.

– Бонго в самом чистом виде. Комедия с неожиданным таким поворотом. Ну, ты понимаешь. Говорить так нескромно, но как раз в моем ключе. А Бонго говорит, что когда писал пьесу, то имел в виду исключительно меня.

Мисс Беллами рассмеялась.

– Дорогая! Мы же прекрасно знаем нашего Бонго, согласна? Уж сколько пьес, по его словам, он написал специально для меня, и не сосчитать!.. И большую часть просто пьесами не назовешь.

Тут Пинки впервые за все время заподозрила неладное и заметила:

– Мэри! Порадуйся за подругу!

– Но милая, я *действительно* искренне рада. Похоже, тебе повезло, от всего сердца надеюсь, что все получится.

– Я, разумеется, понимаю, что теперь должна отдать свою роль в новой пьесе Ричарда тебе. Но если честно, та ролька была для меня мелковата, согласна? Да и потом никаких договоренностей еще нет, так что я никого вроде бы не подвожу, верно?

Тут мисс Беллами не сдержалась.

– Моя дорогая! – с добродушным смешком заметила она. – Давай не будем заикливаться на этой мелкой проблеме. Она того просто не стоит.

– Точно! – радостно воскликнула Пинки.

И мисс Беллами, что случилось с ней редко, ощутила, как ее охватывает ярость. И сказала:

– Ты вроде бы говорила о Берти, дорогая. Он-то тут каким боком?

– Ага! – воскликнула Пинки и многозначительно вскинула палец.

В этот момент вошел Грейсфилд с подносом, на котором стояли напитки.

Мисс Беллами тут же взяла себя в руки.

– Давай, – произнесла она. – Сегодня я тоже нарушу правила. Мы просто обязаны выпить за это, дорогая!

– О, нет, нет!

– Да, да, да. Всего капельку. За Пинки!

Она стояла между Пинки и подносом, и налила в один стаканчик чистого виски, в другой – умеренно разбавленного тоником джина. Первый протянула Пинки.

– За твоё прекрасное и успешное будущее, дорогуша! Только до дна!

– О боже! – пробормотала Пинки. – Мне не следовало бы...

– Плюнь на все. За это надо выпить!

Они выпили.

– Ну, так что с Берти? – спросила мисс Беллами. – Давай, выкладывай. Ты же знаешь, я могила.

На щеках Пинки запылал румянец – именно ему она была обязана своим прозвищем⁸.

– Но это правда большой секрет. Страшный секрет, ни-

⁸ Пинки – он английского «pink», розовый.

кто не должен знать. Хотя уверена, он бы не возражал, если бы знал, что я тебе расскажу. Видишь ли, эта роль предполагает переодевания – всего пять перемен, и каждый следующий наряд должен быть шикарнее другого. И мне с моей маленькой портнихой из Вейсуотер просто не потянуть. Так вот. Берти тесно связан с руководством, а потому слышал обо всем этом. И знаешь что, дорогая? Он вызвался по собственной воле и за свой счет организовать пошив всех этих нарядов. Эскизы, ткани, само изготовление – *все* от Сарацина. И для меня совершенно бес-плат-но! Ну, разве он не душка?

Волны гнева накатывали одна за другой, пронизывали нервы и мозг мисс Беллами, словно электрическим током. Она спохватилась и подумала: «Сейчас взорвусь, и ничего хорошего из этого не выйдет». Напряжение достигло предела.

Но взрыв предотвратил не кто иной, как Берти – вошел, обвитый гирляндой из тубероз с головы до ног. Увидев Пинки, резко остановился, какое-то время переводил взгляд с нее на мисс Беллами и обратно, и заметно побледнел.

– Берти, – сказала Пинки, – а я тебя выдала.

– Как ты могла! – воскликнул он. – О, Пинки, как же ты могла?

Пинки расплакалась.

– Сама не понимаю, – выдавила она. – Я не хотела, Берти, дорогой. Прости меня. Просто напилась.

– Подкрепите меня вином⁹, – тихо пробормотал он. Мисс Беллами, выдвинув грудь вперед, стала грозно надвигаться на него – с чисто технической точки это давалось ей легко и производило должное впечатление. И вот лицо ее оказалось в нескольких дюймах от него.

– Ты крыса, Берти, – тихо сказала она. – Ты маленькая, подлая двуличная грязная крыса. Вот ты кто!

И она вцепилась в гирлянду, сорвала с его шеи и швырнула цветы ему в лицо.

⁹ Из «Книги Песня Песней Соломона».

Глава 2

Приготовления к празднику

Вспышки гнева случались у мисс Беллами нечасто, но отличались неподдельной и устрашающей силой. Они совсем не походили на театральные скандалы, обычно доставляющие удовольствие и наблюдателю, и исполнителю. Нет, они налетали на нее, как приступы мигрени, и оставляли вымотанной до крайности. Начинались они всегда внезапно, продолжались долго и приводили к самым непоправимым последствиям.

Берти и Пинки, которым они были хорошо знакомы, обменялись взглядами, полными отчаяния. Мисс Беллами не повышала голоса, но казалось, что в доме воцарилась какая-то страшная тишина после того, как она умолкла. Сами они переговаривались шепотом. Сами, повинувшись некоему внутреннему импульсу, заговорили одновременно и выпалили одни и те же слова:

– Мэри! Послушай! Не надо!

При этом оба они прекрасно понимали, что лучше было бы держать языки за зубами. Их, пусть и робкие усилия, распалили ее еще больше. С каким-то особым спокойствием, куда более пугающим, нежели обычная шумная истерика, она встала между ними и первый свой удар обрушила на

Берти.

– Мне всегда было любопытно знать, – начала она, – какво это – быть таким, как ты. Наверняка ты упиваешься своей хитростью, я права, Берти? Наверняка гордишься своим талантом наживаться на щедрости других людей. Таких, как я, к примеру.

– Мэри, дорогая! Прошу тебя, пожалуйста!

– Давайте, – слегка дрожа, продолжила она, – посмотрим на всю эту историю спокойно и объективно, идет? Боюсь, то будет не слишком приятный опыт, но придется через это пройти.

Вошел Грейсфилд, бросил всего один взгляд на хозяйку и тут же вышел. Он уже довольно давно жил в этой семье.

– Я последняя женщина в мире, – продолжила мисс Беллами, – которая склонна напоминать людям об их долгах и обязанностях. Да, последняя. И тем не менее...

И она принялась напоминать Берти, чем он ей обязан. Рассказала об обстоятельствах, при которых его нашла – к его очевидному облегчению, не стала упоминать, сколько лет прошло с тех пор – о том, как дала ему первый шанс; о том, как с тех пор он ни в чем не знал нужды. Рассказала о соглашении – «джентльменском», с горечью добавила Мэри, – что он никогда не будет делать эскизы костюмов ни для одной ведущей актрисы, не посоветовавшись прежде с ней. Берти открыл было рот, хотел возразить, но она тут же пресекла эту попытку. Разве взлетел бы он до нынешних своих высот,

спросила она, если бы не опирался целиком и полностью на ее поддержку? Разве не отказалась она от услуг ведущих домов моды, разве не предпочитала им всем именно его и в горе, и в радости? И вот теперь...

Мэри изобразила жест в духе Сиддонс¹⁰ и принялась расхаживать взад-вперед по комнате, а Пинки с Берти торопливо расступались, давая ей пройти. Вот пылающий гневом взгляд на миг остановился на Пинки – она собралась атаковать подругу.

– Полагаю, – заметила она, все еще обращаясь к Берти, – что меня трудно упрекнуть в отсутствии благородства и щедрости. Говорят, я умею быть настоящим другом. Преданным и справедливым, – добавила Мэри, возможно, вспомнив о Марке Антонии. – Исключительно ради дружбы я много-много раз убеждала руководство поручить роль актрисе, заведомо не способной справиться с ней.

– Нет, послушай, – осторожно начала Пинки.

– ... много-много раз. Тут как раз на днях Тимми мне сказал: «Дорогая, ты жертвуешь собой, приносишь на алтарь свой талант ради сомнительных личных привязанностей». Он неоднократно говорил, что ни за что на свете не принял бы эти изменения в кастинге, лишь ради меня. Исключительно ради меня...

– Какой еще кастинг? – спросила Пинки. Но мисс Беллами

¹⁰ Сиддонс Сара (1755–1831) – британская актриса, прославилась исполнением главных ролей в трагедиях.

по-прежнему адресовалась только к Берти.

– Лишь ради меня, говорил Тимми, он может задействовать в своей постановке актера или актрису, чья духовная жизнь сводилась к непрерывной зубрежке ролей в провинциальном театре с постоянным репертуаром.

– Но Тимми, – злобно заметила Пинки, – продюсирует мою пьесу. Это ему и автору решать, кто будет играть главную роль. И они сказали руководству, что хотят меня.

– И мне известно, – вставил Берти, – что это чистая правда.

– Заговор! – вскричала мисс Беллами так громко и неожиданно, что они подпрыгнули. Перед ее глазами предстала ужасная картина: Берти, Пинки и Тимми сговорились с руководством и решили ничего не сообщать ей о своих планах и уловках. Она с провидческой гневной ясностью представила себе эту сцену. Берти мрачно освобождался от остатков гирлянды и явно выказывал намерение поскорее уйти. Он дождался паузы и вмешался.

– Что касается, – начал он, – подлой и двуличной крысы, которой, Господь свидетель, я не являюсь, могу заверить тебя, дорогая Мэри, ты напрасно так убиваешься. Я согласился сделать эскизы костюмов для Пинки просто по дружбе, имени моего на афише не будет, и еще должен заметить...

Но ему не разрешили продолжить.

– Дело вовсе не в том, – заявила мисс Беллами, – что сделали вы оба. Дело в том, каким отвратительным образом. Ес-

ли бы пришли ко мне с самого начала и сказали бы... – Затем последовал приблизительный перечень того, что они должны были бы сказать, и преисполненный благородства отклик мисс Беллами на эти их высказывания. Секунду-другую казалось, что этот скандал плавно перейдет в бессмысленный и продолжительный спор. Так бы, наверное, и случилось, если б Пинки вдруг не заметила резко:

– Послушай, Мэри! А не пора ли тебе призадуматься о своем собственном поведении? Тебе прекрасно известно, что все, что ты для нас сделала, оплатилось тебе сторицей. Знаю, ты приложила немало усилий, чтобы руководство театра внесло меня в основной список труппы, и я благодарна тебе за это. Но я также прекрасно понимаю, что тебе было очень выгодно иметь меня под боком. Ведь я являюсь для тебя отличным фоном. Я знаю все твои хитрости. Знаю, как ты любишь, чтобы тебе подсказывали реплики. И когда у тебя возникали паузы, а в последнее время это случалось все чаще, я могла заполнить их, как нечего делать. Я преуспела в искусстве держаться на заднем плане, подчищать все твои промахи и снова проваливаться в небытие. Именно я выставляла тебя в выгодном свете, поэтому ты и считала меня «чертовски незаменимой».

– О боже! Боже ты мой! Ну почему я должна это слушать?

– Что до Берти...

– Не надо, Пинки, – поспешил вставить он.

– Нет, надо! Это правда, что ты помогла Берти начать

успешную карьеру, но разве он не отплатил тебе за это сторичей? Эти твои декоры! Твои костюмы! Ну, сознайся, Мэри, без скрытых выточек и швов мистера Сарацина ты была бы престарелой гранд дамой на параде театральных звезд.

Берти визгливо и истерически расхохотался и тут же испуганно умолк.

– Правда в том, Мэри, – продолжила Пинки, – что ты всегда слишком многого хотела. С одной стороны хотела управлять каждым и использовать каждого в своих интересах, с другой жаждала, чтобы все мы вались у тебя в ногах и не переставали твердить, какая ты благородная, щедрая и чудесная. Ты самый настоящий каннибал, Мэри, и настало время хоть кому-то набраться храбрости и сказать тебе об этом в лицо.

После этой ее неожиданной речи воцарилось гробовое молчание.

Мисс Беллами подошла к двери и обернулась. Это ее движение тоже было всем хорошо знакомо.

– После всего этого, – медленно и с каменным лицом, понизив голос до мучительной монотонности, произнесла она, – мне остается только одно, хоть и страшно не хочется этого делать. Но я вынуждена. Я должна повидаться с руководством театра. Завтра же.

Она отворила дверь. В холле в нерешительности топтались Чарльз, Уорендер и Ричард. Затем Мэри вышла и захлопнула за собой дверь.

После ее ухода в комнате стало страшно тихо.

– Берти, – проговорила наконец Пинки, – мне страшно жаль, если я испортила тебе жизнь. Простохватила с утра лишку. Никогда, никогда себе не прощу!

– Ничего страшного, дорогая.

– Ты так добр, Берти. Скажи, как думаешь, она... думаешь, она сможет?..

– Попробует, дорогая. Непременно попытается.

– Она может отобрать у меня все! Но обещаю тебе, я буду бороться. Нет, честно, Берти, она меня просто пугает. У нее было лицо... ну, как у убийцы.

– Просто жуткое, верно?

Пинки рассеянно смотрела на большой флакон духов под названием «Врасплох». На него упал луч солнечного света, и он засиял и заискрился золотистыми отблесками.

– Что теперь будешь делать? – спросила она.

Берти подобрал горстку тубероз с пола.

– Покончить с этим и чертовыми цветочками, дорогая, – ответил он. – Покончить с чертовыми цветочками.

II

Выбежав в холл, мисс Беллами точно ветер пронеслась мимо Ричарда, Уорендера и мужа и быстро поднялась наверх в свою спальню. Там она столкнулась с Флоренс, которая спросила:

– Что это с тобой, а?

– Заткнись! – рявкнула Мэри Беллами и грохнула дверью.

– Как вижу, ничего хорошего. Успокойся, дорогая. Скажи толком, что произошло?

– Чертово предательство, вот что! Замолчи. Не хочу говорить об этом. О боже, ну и друзья у меня, это надо же! Господи, и это называются друзья!

Мэри расхаживала по комнате, издавая возмущенные и отчаянные возгласы. Потом рухнула на кровать и замолотила кулачками по подушке.

– Ты же понимаешь, – заметила Флоренс, – что это конец всему, вечеринке и прочему...

Мисс Беллами разразилась слезами.

– У меня, – прорыдала она, – нет ни одного друга! Ни единого на всем белом свете! За исключением Рики.

Губы у Флоренс досадливо скривились.

– Кроме него! – пробормотала она себе под нос.

Мисс Беллами продолжала лить слезы. Флоренс пошла в ванную и вернулась с флаконом нюхательной соли.

– Вот, – предложила она. – Попробуй. Может, полегчает, дорогая.

– Не надо мне этого дерьма! Лучше дай мою таблетку.

– Нет, только не сейчас.

– Сейчас же!

– Ты же прекрасно знаешь, что сказал доктор. Только на ночь.

– Плевать я хотела, что он там сказал. Принеси таблетку. Она обернулась и взглянула на Флоренс.

– Слышала, что я говорю?

– У нас ни одной не осталось. Как раз хотела послать в аптеку.

Мисс Беллами прошипела сквозь зубы:

– Ну, хватит с меня! Думаешь, все тут танцуют под твою дудку, так, что ли? Думаешь, ты незаменима? Совершаешь большую ошибку. Ты вовсе не незаменима, и чем скорее поймешь это, тем лучше для тебя. А теперь выметайся!

– Ты же не всерьез...

– Пошла вон отсюда!

Секунд, наверное, десять Флоренс стояла неподвижно, затем вышла из комнаты.

Мисс Беллами осталась в спальне одна. Поскольку зрителей не осталось, бушевать не было смысла, и гнев постепенно прошел. Она подошла к туалетному столику, принялась разглядывать в зеркале лицо, затем щедро попрыскалась духами – целых три раза. Нажала в четвертый раз – ничего не вышло. Флакон был пуст. Мэри застонала от отчаяния, затем снова уставилась на свое отражение в зеркале и впервые за время этой продолжительной вспышки гнева попробовала рассуждать спокойно и здраво.

В половине первого она спустились вниз и решила навестить Октавиуса Брауни и Аннелиду Ли.

У нее было сразу несколько причин нанести этот визит.

Во-первых, гнев иссяк, но разгулявшийся темперамент требовал хоть какого-то продолжения, и усидеть на месте она была просто не в состоянии. И уж меньше всего на свете хотелось оставаться дома. Во-вторых, ей очень хотелось доказать самой себе, как подло поступили с ней Пинки и Берти; и что может быть лучше, чем в пику им проявить теперь неслыханное благородство по отношению к Ричарду и его просьбе? И в-третьих, Мэри желала удовлетворить свое любопытство и хотя бы одним глазком взглянуть на эту Аннелиду Ли.

По пути вниз она заглянула в гостиную. Берти, видимо, закончил с цветами и ушел. Пинки оставила записку, где говорилось, что она ужасно сожалеет о случившемся, не хотела так ее огорчать, но от своих намерений ни на шаг отступить не собирается. Мисс Беллами тут же сорвала злость на Чарльзе, Ричарде и Уорендере, не обращая особого внимания на их реакцию. Растерявшись и недоумевая, они удалились в кабинет Чарльза, откуда вскоре послышались их приглушенные голоса. Разодетая в пух и прах, не забыв прихватить перчатки, Мэри вышла на улицу, секунду-другую эффектно попозировала на солнышке, затем развернулась и зашагала к «Пегасу».

Октавиуса в лавке не оказалось. Аннелида только что завершила уборку, выпачкала щеку, руки тоже были грязные. После ухода Ричарда она немного поплакала, но времени умыться и привести себя в порядок у нее не было. Словом,

выглядела она не лучшим образом.

И мисс Беллами тут же испытала невероятное облегчение. Она была страшно мила с Аннелидой. Муж и Ричард Дейкертс, заявила она, так много рассказывали ей об этом чудесном магазине: эти два смешных книжных червя очень радовались тому, что находится он прямо под боком. О, она понимает, почему Аннелида так стремится выступить на большой сцене. Аннелида сказала, что играет в любительском театре «Бонаventura». В ответ на что мисс Беллами со всей деликатностью заметила, что вопреки мнению большинства своих друзей считает, что маленькие экспериментальные театры выполняют весьма полезную функцию, показывают спектакли по пьесам, которые иначе ни за что бы никто не увидел. Аннелида была скромна, обладала хорошими манерами, и, как полагала мисс Беллами, была просто ошеломлена честью, которую оказала ей своим визитом знаменитая актриса. Именно этому она добродушно приписала причину столь невнятной реакции девушки. Да, темперамента *здесь* явно не хватает, подумала мисс Беллами – с ее точки зрения то был явный недостаток для актрисы. С каждой секундой она становилась все сердечнее.

Октавиус вернулся после недолгого похода по магазинам, и обстановка сразу изменилась в лучшую сторону. После того, как Аннелида представила его – следовало признать, решила мисс Беллами, в довольно милой и любезной манере – он сорвал шляпу с растрепанных волос и заулыбался так ши-

роко, что лицо превратилось в подобие комической маски.

– Вот радость-то! – вскрикнул Октавиус, тщательно подбирая слова. – Ну разве не должны мы воскликнуть «*Nic ver assiduum*¹¹», ведь в гости к нам пожаловала сама весна!

Мисс Беллами уловила общий смысл этого его высказывания, и настроение у нее сразу же улучшилось. Она тепло поблагодарила его за поздравительную телеграмму, и он явно остался доволен собой.

– Ваш муж и ваш подопечный, – продолжил Октавиус, – рассказали нам об этом событии. Вот я, знаете ли, и подумал: вы подарили публике столько восхитительных часов, и решил послать телеграмму. Понимаю, сколь скудным может показаться вам мое скромное подношение, зато от всей души. – Он искоса взглянул на нее. – Импульс старого чудака, – добавил он и отмахнулся. А потом отвесил ей поклон и слегка склонил голову набок. Аннелиде не понравился этот жест.

– Просто божественно с вашей стороны, – сказала мисс Беллами. – Вы доставили мне такое удовольствие, даже не представляете! Кроме того, еще не успела поблагодарить вас за эту чудесную картину, которую вы достали для Дики, и еще... – Мэри импровизировала, пользуясь моментом, – еще за этот божественный экземпляр... – Тут выяснилось, что она напрочь забыла имя автора книги, которую приобрел Чарльз, а также цитаты в телеграмме. А потому решила потянуть время, жестами показывая, какое ей доставили удо-

¹¹ *Nic ver assiduum* (лат.) – Этой весной постоянной.

вольствие, и тут, к счастью, вспомнила. – За Спенсера! – воскликнула она.

– Вам понравился Спенсер? Что ж, очень рад.

– Ужасно понравился. А теперь, – с очаровательно застенчивым видом добавила мисс Беллами, – хотела бы попросить вас об одном одолжении. Возможно, вы сочтете его несколько абсурдным, но... Я пришла с приглашением. Знаю, вы большие друзья моего Дики и я... я тоже, как и вы, действую порой импульсивно. Хочу – *очень прошу* – чтобы вы оба пришли сегодня ко мне на маленькую вечеринку. К половине седьмого. Напитки и несколько занимательных личностей. Пожалуйста, доставьте мне в день рождения такое удовольствие. Очень вас прошу, приходите.

Октавиус даже порозовел от радости. И не стал слушать племянницу, которая подошла и зашептала ему на ухо:

– Не думаю, дядя, что мы...

– Ни разу в жизни, – произнес Октавиус, – не доводилось мне бывать на театральных вечеринках. Как-то все это стороной обошло. Нет, правда, очень любезно с вашей стороны пригласить нас. Моя племянница – начинающая актриса. И до вашего уровня ей еще ох как далеко! Ну, что скажешь, Нелл, любовь моя?

Аннелида было начала:

– Вы так добры, но... Однако мисс Беллами было уже не остановить. Она схватила Октавиуса за руки, трясла их и улыбалась прямо в лицо.

– Так вы придете? Ведь вам не составит это особого труда, верно? Я так боялась, что вы вдруг откажете или заняты этим вечером. А теперь не боюсь! И вы не заняты! Разве это не замечательно?

– Мы совершенно свободны, – ответил Октавиус. – По понедельникам театр Аннелиды не работает. Вот она и предложила помочь мне с составлением нового каталога. Я буду очень рад.

– Прекрасно! – радостно воскликнула мисс Беллами. – А теперь мне пора бежать. Au revoir, мои дорогие. До вечера!

И она почти в буквальном смысле этого слова выпорхнула из лавки, наполненная восхитительным ощущением, что совершила нечто замечательное. «Доброта, – подумала она. – Я всегда была добра к людям. Очень добра. И Дики будет так растроган. А уж когда увидит эту малопривлекательную и невыразительную девицу на общем фоне, в моем доме... готова побиться об заклад, если между ними что-то и есть, то все чувства сразу иссякнут».

Мэри ясно и с большой прозорливостью представляла себе эту картину. И остатки злости и раздражения моментально испарились в солнечном сиянии ее доброты и снисходительности. Она вернулась домой и увидела в холле Ричарда.

– Дорогой! – воскликнула она. – Я все устроила! Только что виделась с твоими приятелями и пригласила их. Этот твой старый ворчун – милейшее создание, верно? Словно не из этого мира. Ну а девица... тоже очень славненькая. Ну,

ты доволен?

– Но, – пробормотал изумленный Ричард, – они что, согласились?.. И Аннелида сказала, что придет?

– Но мой дорогой, не думаешь же ты, что девица на мелких ролях в «Бонаventura» откажется от приглашения на *мой* день рождения?

– Она вовсе не на мелких ролях, – возразил Ричард. – Сейчас там репетируют «Пигмалиона», и она играет Элизу.

– Бедняжка.

Он открыл было рот, но тотчас закрыл.

– Есть что-то бесконечно гнетущее во всех этих клубах и любительских театрах. Сплошные джинсы, растрепанные бороды и жалкая закусочная, это обязательно.

Ричард промолчал, и Мэри заметила ласково:

– Ну, ничего. Мы не должны смущать их, показывать свое превосходство. Скажу Морису и Чарльзу, чтобы были к ним добры и внимательны. А теперь, милый, самое время познакомиться с твоей великой пьесой.

– Я хотел там кое-что переделать, – торопливо вставил Ричард. – Не лучше ли отложить...

– О, милый! Ты просто само очарование, когда волнуешься. Я быстренько прочту ее, а потом отнесу к тебе в кабинет. Ну, с Богом!

– Мэри... Мэри, спасибо тебе.

Она чмокнула его в щеку и почти бегом бросилась вверх по лестнице, спеша прочитать пьесу и позвонить Пинки и

Берти. Она скажет им, что сама мысль о том, что мелкое облачко раздора может бросить тень на ее праздник, кажется ей просто невыносимой, а затем напомним, что ждет их к шести тридцати. Пусть знают, как она благородна и незлопамятна. «В любом случае, – подумала Мэри, – оба они сейчас как на иголках, потому как если я пойду к руководству и настою на своем...» Уверенная, что все пройдет просто отлично, она шагнула к себе в комнату.

К сожалению, ни Берти, ни Пинки дома не оказалось, но она оставила им сообщения. Сейчас ровно час дня. До ленча примерно полчаса, так что можно немного расслабиться и бегло просмотреть пьесу Ричарда. Все складывается как нельзя лучше.

– Ну а теперь лапки вверх, – сказала Мэри себе на сценическом жаргоне, и так и поступила – упала в шезлонг, стоявший под окном. И в очередной раз отметила, что на азалии напала какая-то гадость и не мешало бы опрыскать их из баллончика с надписью «Распылитель для насекомых и садовых вредителей». И только потом, уже окончательно расслабившись она взялась за пьесу. «Земледелие на небесах». Не слишком удачное название, подумала Мэри. Может, цитата откуда-то? А диалоги совсем не в стиле Дики, навевают ассоциации с Слоун-сквер¹². Такого рода диалоги строятся из вполне понятных фраз, но вместе взятые напоминают за-

¹² Слоун-сквер – одна из старейших станций лондонского метрополитена.

умную трескотню из «Гун шоу»¹³. Может, они еще и в рифму?.. Затем Мэри принялась читать описание главной героини пьесы.

«Входит Мими. Ей от девятнадцати до двадцати девяти. Ее отличает особая изысканная красота. Неброская, но полная соблазна. Она – воплощение девственности и одновременно опасности». – Однако... – пробормотала мисс Белами. – *«Из-за угла камина выходит Ходж. Одобрительно присвистывает при виде девушки. Делает недвусмысленные жесты с кошечьей грацией».*

Почему эта строка вызывает у нее какие-то смутные опасения? Она стала переворачивать страницы. Да, роль действительно большая.

«Мими: Если б сейчас был апрель, тогда... Или же я, проснувшись так рано, неправильно восприняла указания?»

«Черт», – подумала мисс Белами.

Но затем прочла вслух еще несколько реплик и решила, что в них что-то есть. Продолжая перелистывать страницы, она вдруг поняла, что пьеса нравится ей все больше и Дики написал для нее большую и интересную роль. Совсем не похожую на все ее остальные роли. В таком виде, это, конечно, никуда не годится, но сразу видно: намерения у него были самые лучшие.

Рукопись выскользнула из рук, упала на грудь. Сканда-

¹³ «Гун шоу» – юмористическая радиопередача, выходившая на «Би-би-си» с 1951 по 1960-е годы.

лы и нервотрепка всегда страшно выматывали ее. Перед погружением в дремоту ее вдруг точно током пронзила одна мысль, и Мэри встрепелулась всем телом. Она подумала о Пинки. Глупо было бы предположить, что этот секундный дискомфорт был вызван приливом ненависти, а не какой-либо иной чисто физической причиной. В любом случае мисс Беллами погрузилась в беспокойный сон.

Вошла Флоренс. В руках у нее был флакон духов под названием «Враспдох». Она на цыпочках пересекла комнату, поставила духи на туалетный столик и какое-то время смотрела на спящую мисс Беллами. За шезлонгом на подоконнике стояли горшки с тюльпанами и азаниями в бутонах, между ними примостилась жестянка с ядом для вредителей. Чтобы достать ее, Флоренс пришлось перегнуться через свою голову. Она сделала это крайне осторожно, но мисс Беллами в этот момент шевельнулась. Флоренс отпрянула и тихо, на цыпочках, вышла из комнаты.

На лестничной площадке стояла престарелая Нинн. Стояла, скрестив руки на груди, и смотрела на Флоренс.

– Спит, – сказала та и кивком указала на дверь. – Легла баиньки.

– Ну, как всегда после скандала, – заметила Нинн. А потом добавила деревянным голосом: – Погубит она этого мальчишку.

– Она сама себя погубит, – проговорила Флоренс, – если не будет следить за каждым своим шагом.

II

После ухода мисс Беллами огорченная Аннелида обернулась к дядюшке. Октавиус мурлыкал под нос какую-то елизаветинскую мелодию и разглядывал себя в якобинском зеркале, висевшем над письменным столом.

– Очаровательно, – выпалил он. – Просто волшебно! Клянусь тебе, Нелл, за последние лет двадцать я вдруг удостоился внимания хорошенькой женщины. И она была так любезна и настроена весьма игриво, точно тебе говорю. И всё это... произошло так внезапно, так трогательно и импульсивно! Нам предстоит расширить свои горизонты, любовь моя.

– Но дядя! – в отчаянии воскликнула Аннелида. – Ты даже не представляешь, какую заварил кашу!

– *Кашу?* – Октавиус удивленно посмотрел на нее, и руки у нее опустились. – О чем это ты? Я принял приглашение, столь любезно представленное нам очаровательной женщиной. Причем тут какая-то *каша*, скажи на милость? – Аннелида не ответила, и он продолжил: – Нет, тут, конечно, следует решить несколько проблем. К примеру, я понятия не имею, в каких нарядах сегодня принято выходить в свет на коктейльные вечеринки. В мое время я надел бы...

– Наряды тут не причем.

– Разве? В любом случае надеюсь, ты просветишь меня на

эту тему.

– Я уже сказала Ричарду, что не смогу прийти.

– Глупости, дорогая, – заметил Октавиус. – Ну, разумеется, мы пойдем. Что тебя беспокоит? Не понимаю.

– Трудно объяснить, дядюшка. Дело в том... Ну, отчасти в том, что я в театральном мире занимаю нижнюю ступеньку. Что я в нем всего лишь жалкая пылинка под колесами сверкающей колесницы мисс Б. Я все равно что капрал, случайно оказавшийся на празднике высших офицерских чинов.

– А вот это, – покраснев от возмущения, сказал Октавиус, – фальшивая, на мой взгляд, притянутая за уши аналогия. Ты уж прости, Нелли, за эти слова. И еще, дорогая, когда хочешь процитировать что-то, лучше брать из надежных источников. В дни моей молодости настоящим бичом светских салонов была индийская любовная лирика.

– Извини.

– Было бы крайне неприлично отказаться от столь любезного приглашения, – не унимался Октавиус, все больше походя при этом на избалованного непослушного ребенка. – И я *хочу* его принять. Да что с тобой такое, Аннелида?

– Дело в том, – уже в полном отчаянии выпалила девушка, – что я не совсем понимаю, как следует держать себя с Ричардом Дейкерсом.

Октавиус смотрел на нее с таким видом, словно до него только что дошло.

– Стало быть, – угрюмо произнес он, – этот Дейкерс пы-

тается за тобой приударить. Просто удивительно, как я не замечал прежде. И он тебе совершенно не нравится, так?

Тут, к его разочарованию, Аннелида едва не расплакалась.

– Нет! – воскликнула она. – Нет! Ничего подобного... правда. То есть я хотела сказать, хотела сказать, что я не понимаю... – Она беспомощно смотрела на Октавиуса. А дядя, как она чувствовала, находился на грани нервного срыва, что случалось с ним крайне редко. Мисс Беллами уязвила его самолюбие. Как он крутился и пыжился перед ней, распустил перья! Аннелида очень любила дядю, и ей стало его жалко.

– Не обращай внимания, – сказала она. – Тут и говорить-то не о чем. И прости, дорогой, если я испортила тебе настроение. Теперь не захочешь идти на эту чудесную вечеринку.

– Да, я расстроен, – сердито отозвался Октавиус. – Но на вечеринку пойду.

– И иди. Я повяжу тебе галстук, будешь у меня настоящим красавцем.

– Вот что, дорогая, – заметил Октавиус, – это ты будешь у меня настоящей красавицей. Это же радость для меня – вывести тебя в свет. Я буду тобой страшно гордиться.

– О, черт! – воскликнула Аннелида. Бросилась к дяде, крепко обняла его. Он смутился и несколько раз легонько похлопал ее по спине.

Тут дверь в магазин отворилась.

– А вот и он, – прошептал Октавиус, глядя поверх ее го-

ловы. — Дейкерс пришел.

Попав с солнечного света в темноту лавки, Ричард, щурясь, различил смутные очертания двух фигур, и ему показалось, что Аннелида просто повисла на шее Октавиуса. Он выждал несколько секунд, она отошла от дядюшки, напоследок поправив платок в его жилетном кармашке.

Ричард старался не смотреть на Аннелиду.

— Я пришел, — заявил он, — прежде всего извиниться перед вами.

— Не стоит извинений. Это я вела себя глупо.

— И еще сказать, что я очень рад. Мэри говорила, вы согласились принять приглашение на вечеринку.

— О, она была так любезна. Просто околдовала дядю.

— Мы с вами люди воспитанные, не так ли? Вежливо сейчас говорим.

— Уж куда лучше, чем ссориться из-за пустяков.

— Так я могу за вами зайти?

— Нет необходимости. Нет, правда. Вы будете заняты приготовлениями к празднику. А дядя будет просто счастлив сопровождать меня. Он сам так сказал.

— Да, конечно. — Теперь Ричард смотрел прямо ей в глаза. — А вы плакали, — тихо заметил он. — И еще испачкались, прямо как маленькая девочка. У вас на щеке серое пятно.

— Ничего страшного. Сейчас же пойду и приеду себя в порядок.

— Помощь нужна?

– Нет.

– Сколько вам лет, Аннелида?

– Девятнадцать. А почему вы спрашиваете?

– Мне двадцать восемь.

– Прекрасно сохранились для своего возраста, – вежливо заметила Аннелида. – И уже успели стать знаменитым драматургом.

– Всего лишь сочинителем пьес.

– Думаю, после написания этой последней вы вправе называться драматургом.

– Дерзости, как посмотрю, вам хватает, – задумчиво произнес Ричард. И через секунду добавил: – Как раз сейчас Мэри читает мою пьесу.

– Она ей нравится?

– Возможно. Но зря. Она считает, я написал ее для нее.

– Но как же так? Ведь она очень скоро это поймет.

– Я вроде бы уже говорил вам: вы плохо знаете людей театра.

Тут, к его удивлению, Аннелида заявила:

– Зато я знаю, что умею играть.

– Да, – согласился он. – Конечно, умеете. Вы очень хорошая актриса.

– Но вы же не видели меня на сцене.

– А вот и ошибаетесь.

– Ричард!

– Даже удивлен, что вы называете меня просто по имени.

– Но где вы могли меня видеть?

– Запомню, знаете ли. Но все это часть большого и очень секретного плана. Скоро узнаете.

– Когда?

– На вечеринке. Ладно, мне пора. Au revoir, дорогая Аннелида.

Ричард ушел, и некоторое время Аннелида стояла совершенно неподвижно. Она была растеряна, терялась в догадках. И еще ее переполняло счастье.

А Ричард тем временем вернулся домой, окончательно все для себя решив. И направился прямо в кабинет к Чарльзу Темплтону. Там он нашел Чарльза и Мориса Уорендера – довольно мрачные они сидели за графинчиком шерри. Увидев Ричарда, оба тотчас умолкли.

– А мы тут как раз о тебе говорили, – сообщил Чарльз. – Что будешь пить в сей неурочный час, Дики? Может, пива?

– Спасибо, пожалуй, да. Или, может, мне уйти, чтоб вы могли продолжить этот разговор обо мне?

– Нет, нет.

– Мы уже закончили, – поспешил вставить Уорендер. – Я прав, Чарльз?

– Да, думаю, да. Закончили.

Ричард налил себе пива.

– Вообще-то, – заметил он, – я заскочил с мыслью поделиться кое-какими наблюдениями в столь узком и приятном кругу.

Уорендер пробормотал что-то на тему того, что ему надобно выйти.

— Ну, разве что только в самом крайнем случае, Морис, — сказал Ричард. — К тому же эта мысль у меня возникла после ваших утренних высказываний. — Он уселся и устался на кружку с пивом. — И разговор у нас будет не из легких, — добавил он.

Они ждали. Уорендер сидел, нахохлившись, Чарльз, как всегда, с вежливо терпеливым видом.

— Полагаю, это вопрос лояльности, если хотите, верно-сти, — выдавил наконец Ричард. — По крайней мере, отчасти. — И он продолжил, стараясь по мере возможности сохранять полную объективность. Но вскоре понял, что запутался, и пожалел, что вообще затеял этот разговор.

Чарльз разглядывал свою руку в старческих веснушках. Уорендер потягивал шерри и время от времени украдкой косился на Ричарда.

И вот наконец Чарльз спросил:

— А нельзя ли ближе к делу?

— Мне и самому хотелось бы, — поспешно ответил Ричард. — Понимаю, что-то я совсем запутался.

— Может, я помогу разобраться? Сказать, полагаю, ты хотел следующее. Ты считаешь, что написал совсем другую пьесу, которая никак не подходит Мэри. Да, действительно, написал. И считаешь, что это лучшее из написанного тобой, но боишься, что Мэри не понравится отклонение от привыч-

ных для нее канонов. Ты уже дал ей эту пьесу, и сейчас она ее читает. Ты опасаясь, что она воспримет это как знак того, что в главной роли ты видишь только ее. Я прав или нет?

– Да. Все именно так.

– Но в таком случае, – неожиданно вмешался Уорендер, – ей не должна понравиться эта пьеса!

– Не думаю, что понравится.

– Ну вот тебе и ответ, – сказал Чарльз. – Если она ей не понравится, ты имеешь полное право предложить ее кому-то другому, верно?

– Все не так просто, – ответил Ричард. И, глядя на этих двух джентльменов, по возрасту годившихся ему в отцы, имевших тридцатилетний опыт общения с мисс Беллами, он увидел: они его поняли.

– Тут утром уже случился один скандал, – заметил Ричард. – Настоящая буря.

Уорендер покосился на Чарльза.

– Не знаю, может, просто показалось, – начал он, – но ощущение такое, что скандалы последнее время случаются все чаще. Я прав?

Чарльз и Ричард промолчали.

– Человек должен жить своей собственной жизнью, – продолжил Уорендер. – Таково мое мнение. И самое худшее случается с человеком, когда он обманывается, принимает на веру фальшивую или неискреннюю преданность. Сам видел, как такое случалось. С одним человеком из нашего полка.

Печальная история.

– Нам всем свойственно ошибаться в людях, – проговорил Чарльз.

Снова повисла пауза.

А затем Ричард пылко заметил:

– Но я... всем обязан ей! Эти ужасные опусы, которые начал сочинять еще в школе. Первые совершенно бездарные пьески. А потом вдруг одна получилась. И она *заставила* руководство театра принять ее. Мы все с ней обговаривали. Все! И вот теперь вдруг... почему-то не захотел этого делать. Не захотел. Но почему? Почему?

– Так и должно быть, – сказал Чарльз, и Ричард взглянул на него с удивлением. Чарльз тихо продолжил: – Сочинение пьес – это твой бизнес. Ты в нем разбираешься. Ты эксперт. И ты должен самостоятельно принимать решения.

– Да. Но Мэри...

– Мэри принадлежит некоторое количество акций в компаниях, которыми управляю я. Но я не советуюсь с ней о политике этих компаний. И потом мои интересы не сосредоточены исключительно на них.

– Но это не одно и то же.

– Почему нет? – добродушно спросил Чарльз. – Лично я считаю, что именно так. И потом сантименты, – добавил он, – самый скверный советчик в таких вопросах. Мэри все равно не поймет изменений в твоей политике, но это вовсе не означает, что она неверна. Мэри руководствуется одними

эмоциями.

– Так ты считаешь, – произнес Уорендер, – что она изменилась? Прости, Чарльз, это, конечно, не мое дело.

– Да, она изменилась, – отозвался муж Мэри. – Человек склонен меняться.

– Ты сам видел, – вмешался Ричард, – что произошло с Пинки и Берти. Представляю, что она сотворила бы со мной! Да и что такого ужасного они сделали? А на самом деле причина проста. Они скрыли всё от нее потому, что не знали, как Мэри это воспримет. Ну и вы сами видели, как восприняла.

– Полагаю, – рассеянно начал Уорендер, – по мере того, как женщина стареет... – тут он запнулся и умолк.

– Послушай, Чарльз, – заметил Ричард, – возможно, ты сочтешь это мое предположение просто чудовищным, но не стало ли тебе последнее время казаться, что в этом есть нечто... нечто...

– Патологическое? – спросил Чарльз.

– Она стала такой мстительной, как-то совсем на нее не похоже. Ведь так? – теперь он обращался к ним обоим. – Господи, ну, скажите, так или нет?

К его удивлению, ответили они не сразу. После довольно долгой паузы Чарльз произнес с болью в голосе:

– И мне тоже это в голову приходило. Я... я даже советовался с Фрэнком Харкнессом. Он наш домашний доктор вот уже долгие годы. И он тоже считает, что она стала какой-то нервной. И насколько я понял, это случается с боль-

шинство женщин... в ее возрасте. Он считает, что нервное напряжение может усиливать наэлектризованная атмосфера театра. Но у меня создалось впечатление, что он несколько недооценивает ситуацию. Должен признаться вам, – печально добавил Чарльз, – она давно меня беспокоит. Все эти... безобразные сцены.

– И мстительность, – пробормотал Уорендер – и тут же пожалел, что произнес это слово.

– Но ее доброта! – воскликнул Ричард. – Всегда считал: у нее самые добрые глаза, какие я только видел у женщин.

Уорендер, который с самого утра был настроен рассуждать о человеческих характерах, продолжил в том же духе.

– Люди, – заметил он, – рассуждают о глазах и ртах, точно эти черты лица имеют какое-то отношение к мыслям и поступкам других людей. Но ведь это же всего-навсего какие-то малые части тела, разве нет? Как, впрочем, и пупки, колени и ногти. Мелочи, детали.

Чарльз взглянул на него с улыбкой.

– Морис, дорогой, ты меня просто пугаешь. Ты как бы отрицаешь тем самым, что у наших старых друзей может быть добрый рот, честный взгляд, открытый лоб. Сомневаюсь, что ты прав.

– Прав он или нет, – вставил Ричард, – это ничуть не помогло мне принять решение.

Чарльз опустил стаканчик с шерри на стол и сдвинул очки на лоб.

– Будь я на твоём месте, Дики, я бы продолжил идти вперед.

– Слушай его, Дики, слушай!

– Спасибо, Морис. Да, я продолжил бы должен идти вперед. Предложил бы свою пьесу, постарался бы как можно выгоднее продать ее на рынке. Если Мэри и расстроится, то ненадолго, сам знаешь. Ты не должен терять чувства перспективы, мальчик мой дорогой.

Полковник Уорендер слушал все это со слегка приоткрытым ртом и затуманенным взглядом. Когда Чарльз закончил, Уорендер взглянул на часы, поднялся и сообщил, что ему нужно позвонить по телефону перед ленчем.

– Позвоню из гостиной, если разрешите, – сказал он и покосился на Ричарда. – Стоять на своем, вот что главное, верно? Лучшая политика в мире, – и он вышел.

Ричард сказал:

– Постоянно задаюсь вопросом: так ли уж он прост, наш Морис?

– Было бы серьезное ошибкой недооценивать его, – ответил Чарльз.

IV

В домах и квартирах в радиусе примерно десяти миль от Пардонерс Плейс, гости, приглашенные на вечеринку к мисс Беллами, готовились предстать перед глазами виновни-

цы торжества. Таймон (он же Тимми) Гэнтри, знаменитый режиссер, тоже готовился к празднику. Он был высокого роста и, сутулясь, всматривался в треснутое зеркало ванной комнаты, чтобы расчесать щеткой волосы – так коротко подстриженные, что особой необходимости в том не было. Затем он переоделся в костюм, который назывался у него «приличным синим», и, чтоб потрафить мисс Беллами, надел под него жилет вместо пуловера сливового цвета. Он больше походил не на режиссера, а на полицейского, вышедшего в отставку, чей энтузиазм никогда не иссякает. Он пропел отрывок из «Риголетто» – оперы, которую недавно поставил, и вспомнил, как ненавидит все эти коктейльные вечеринки.

– Белл-а-ми, от тебя одна лишь тоска, – пел Гэнтри, имитируя мелодию «*Bella Filia*»¹⁴. И это было сущей правдой. Последнее время Мэри стала совсем уж невыносима. Возможно, было бы разумно рассориться с ней до того, как начнется работа над новой пьесой. Она начала уклоняться от самых простых требований режиссера, входящих в его методику: Тимми требовал от труппы быстрых и довольно сложных движений, образующих своеобразный вихревой рисунок на сцене, а Мэри уже давно утратила былую резвость. Да и темперамент, пожалуй, тоже, подумал он. И вообще он считал, что эта пьеса будет для нее последней.

– Потому, как она уж давно не мила, и совсем мне она не

¹⁴ «*Bella Filia (Figlia)*» – квартет Герцога, Маддалины, Джильды и Риголетто, 3-й акт, опера Верди «Риголетто».

по вкусу! – пропел Гэнтри.

Затем он стал размышлять о ее влиянии на других людей, в особенности на Ричарда Дейкерса.

– Она демон похоти, – пропел он. – Она просто монстр в женском обличье. Пожирает заживо молодых мужчин. Это жуткая Мэри! – Таймон радовался тому обстоятельству, что Ричард, похоже, настроен на написание более серьезных драматических произведений. Гэнтри прочел «Земледелие на небесах» еще в рукописном виде и тут же решил, что это «его» пьеса и он непременно поставит ее, как только закончит текущую работу.

– Если продолжишь сочинять всю эту пустую трескотню для Мэри, когда у тебя в заглавнике такая вещичка, – сказал он Ричарду, – утонешь в ней и больше не выплывешь. Да, вещь далека от совершенства, некоторые куски просто ужасны. Их надо выбросить. Другие – переписать. Внеси эти поправки, и я с удовольствием поставлю твою пьесу.

И Ричард поправил.

Гэнтри сунул в карман подарок для мисс Беллами. То были фальшивые драгоценности, приобретенные им за пять шиллингов с уличного лотка. Он всегда приобретал подарки рационально, сообразуясь с финансовым положением того, кому будет их вручать, и знал, что мисс Беллами богата.

Вышагивая по направлению к Найтсбридж, он со все возрастающим энтузиазмом размышлял о «Земледелии на небесах» и о том, как бы сделать так, чтобы убедить руко-

водство взять к постановке эту пьесу.

— Да актеры, — пообещал он себе, — будут у меня там скакать как молодые барашки.

Дойдя до угла Гайд-Парка, он снова запел. А на углу Уилтон Плейс рядом с ним притормозил автомобиль с водителем. И из окна высунулось руководство в лице мистера Монтагю Марчанта. Он был изысканно одет, в петлице пиджака красовалась гардения. Лицо гладкое, светлые жидкие волосы прилизаны и липнут к черепу, глаза усталые.

— Тимми! — окликнул его мистер Марчант. — Нет, вы только посмотрите на него! Шагает так решительно! И целеустремленно! Давай же, запрыгивай в машину, ради Бога, и будем поддерживать друг друга на всем пути к святилищу.

— Как раз хотел повидаться с тобой, — сказал Тимми. Согнулся едва ли не пополам и влез в машину. Он имел привычку без всяких предисловий переходить к делу, которое на данный момент его интересовало. И свои идеи преподносил с безжалостной стремительностью, столь характерной для его работы в театре. Впрочем, то было несколько обманчивое впечатление, поскольку все импульсы Гэнтри были подчинены одной вполне определенной цели.

Он набрал в легкие побольше воздуха и решительно выпалил:

— Послушай! У меня к тебе предложение!

На всем пути по Слоун-стрит и Кингз Роуд он рассказывал Марчанту о новой пьесе Ричарда. И все еще говорил, в

высшей степени красноречиво, когда автомобиль свернул к Пардонс Роу. Марчант слушал очень внимательно, но настоятельно, как и подобает руководству, когда речь заходит о чем-то серьезном.

– Ты сделаешь это, – продолжил меж тем Гэнтри, когда машина свернула к Пардонс Плейс, – не ради меня и не ради Дики. Ты сделаешь это, потому что будет огромный порыв для театра и его руководства. Попомни мои слова. Ну, вот и приехали. Господи, до чего же я ненавижу эти светские вечеринки!

– Должен напомнить тебе, Тимми, – заметил Марчант, когда она вылезали из машины, – что я один ничего не решаю.

– Естественно, дорогой. Вполне естественно. Но ты должен постараться, просто обязан, точно тебе говорю. И ты это сделаешь.

– О, Мэри, дорогая! – в унисон воскликнули они, и вечеринка тут же поглотила их.

Пинки и Берти договорились прийти вместе. Они приняли это решение в результате долгих и мучительных переговоров после ленча. Ведь на кону стояли соблюдение обычного человеческого достоинства и профессиональной целесообразности.

– Пойми, милая моя, – говорил Берти, – если мы не придем, она взбесится еще больше и отправится напрямик к руководству. Сама знаешь, какое значение Монти придает личным взаимоотношениям. «Счастливый театр – это всегда

успешный театр». И никто... никто не имеет права восстать против существующих там порядков. Он терпеть не может всякую подковерную грызню.

Пинки, которой с утра изрядно досталось, мрачно согласилась с ним.

– Одному Богу ведомо, – заметила она, – могу ли я позволить себе в такой момент подмочить репутацию. Ведь контракт еще не пописан, Берти.

– Ясно, как божий день: нашим девизом должно стать великодушие.

– Да я скорее умру, чем стану ползать перед ней на коленях!

– А нам и не придется, дорогуша. Легкое пожатие руки, такой долгий-долгий взгляд прямо в глаза, а там, глядишь, все и образуется.

– Просто противно, и все тут.

– Перестать. Будь выше этого. Бери пример с меня: я в этих делах собаку съел. Соберись с силами, милая, и не забывай – ты прежде всего актриса. – Он хихикнул. – Если правильно посмотреть на все это, будет даже забавно.

– А что мне одеть?

– Оденься во все черное, и никаких драгоценностей. Пусть она бренчит своими побрякушками.

– Ненавижу вражду, Берти. Что за чудовищная у нас профессия. Во многих отношениях.

– Это джунгли, дорогая. Посмотри правде в глаза, мы с

тобой живем в джунглях.

– А ты, – с завистью произнесла Пинки, – похоже, не слишком взволнован.

– Бедная моя девочка! Как же ты плохо разбираешься в людях. Да я весь дрожу.

– Разве? Весь вопрос в том, может ли она навредить тебе.

– А как по-твоему, – заметил Берти, – может боа-констриктор проглотить кролика?

Пинки подумала, что лучше не углубляться в эту тему. На том они и распрощались, разошлись по своим квартирам и принялись готовиться к выходу в свет.

Аннелида и Октавиус уже были готовы. Октавиус остановил свой выбор на черном пиджаке, брюках в тонкую полоску и при непосредственном участии племянницы – на мелких дополнительных деталях, которые, как она считала, подходят к этому туалету. Сама она успела принять ванну и уже собралась одеваться, как дядя, наверное, уже в четвертый раз, постучал в дверь и предстал перед ней встревоженный и непривычно аккуратный.

– Мои волосы, – пробормотал он. – Поскольку нет бриолина, я употребил оливковое масло. Теперь от меня пахнет салатом, да?

Аннелида успокоила его на этот счет, почистила пиджак дяди щеточкой и упросила подождать ее в магазине. Дядя имел старомодные представления о пунктуальности и начал волноваться.

– Сейчас уже без двадцати пяти семь, – сказал Октавиус. – А нас приглашали к шести тридцати, Нелли.

– А это значит, дорогой, что первые гости появятся не раньше семи. Да ты выгляни в витрину, сам увидишь, когда начнут собираться гости. И пожалуйста, дядюшка! Ты же понимаешь, что пока я стою тут в халате, выйти на улицу мы все равно не сможем, так или нет?

– Нет, нет, конечно. Где-то в половине седьмого или без четверти семь? Или ровно в семь? Понимаю, понимаю... В таком случае...

С этими словами Октавиус сбежал вниз по лестнице.

Аннелида подумала: «Хорошо, что я успела научиться быстро переодеваться». Затем она привела в порядок лицо и волосы и надела единственное свое нарядное платье, ярко-белое. Нацепила на голову белую шляпку с черной бархатной тульей, натянула новые перчатки. Потом посмотрела на себя в зеркало, заставила принять несколько поз, как перед выходом на сцену. «Ощущение такое... – подумала она, – прямо как перед премьерой. Интересно, Ричарду нравится белый цвет?»

Убедившись в том, что платье вполне приличное, а шляпка ей очень идет, Аннелида принялась представлять, как все будет. Вот они с Октавиусом прибывают в гости. И производят настоящий фурор. Все перешептываются. Сам Монти Марчант, главный управляющий, спрашивает у Таймона Гэнтри, великого режиссера: «Кто они такие?». И Таймон

Гэнтри с неподражаемым апломбом, который безуспешно пытались симитировать многие актеры, отвечает: «Не знаю, но, клянусь богом, я это тотчас выясню!» Гости почтительно расступаются, когда она и Октавиус, сопровождаемые мисс Беллами, идут по зале в сопровождении приглушенного и восторженного шепотка. Все так и сверлят их взглядами. Почему сверлят, ведь глаза – это не какой-то там плотницкий или слесарный инструмент? Но так принято говорить. Короче, взгляды всех присутствующих устремлены на Аннелиду Ли. И среди них – застывший от восхищения Ричард...

Тут Аннелида остановилась, ей стало стыдно, оставалось лишь посмеяться над собой и успокоить разгулявшиеся не на шутку нервы.

Она подошла к окну и выглянула на Пардонерс Плейс. К дому мисс Беллами уже начали подъезжать автомобили. Был среди них один очень длинный и черный с нарядным шофером за рулем. Из него вышли двое мужчин. Сердце у Аннелиды учащенно забилось. Вот тот, с гарденией в петлице и есть Монти Марчант, а тот, высоченный и одетый неряшливо, не кто иной, как величайший театральный режиссер Таймон Гэнтри.

– Все! – воскликнула Аннелида. – Никакой больше ерунды, Золушка. – Она досчитала до шестидесяти и лишь после этого спустилась вниз.

Октавиус сидел за столом и читал, на коленях у него прилежал Ходж. Оба были абсолютно довольны собой.

– Ну, что, успокоился наконец? – спросила Аннелида.

– Что? Успокоился? Да, – ответил Октавиус. – Спасибо, я абсолютно спокоен. Вот, читаю «Букварь Чайки»¹⁵.

– Что-то замыслил, да, дядя?

Он закатил глаза:

– Я, замыслил? Ты это о чем?

– Да просто выглядишь, как кот, объевшийся сметаны.

– Правда? Интересно, с чего это вдруг? Ну что, идем?

Он столкнул Ходжа с колен, кот сильно линял. Пришлось Аннелиде снова взяться за щетку.

– Я бы не променяла тебя на все сокровища Великой Тартарии¹⁶, – сказала она. – Идем же, дорогой, нам пора.

V

У мисс Беллами приготовления к вечеринке заняли не меньше полутора часов и походили на манипуляции, которые проделывают в салонах красоты, где Флоренс, сама того не осознавая, выступала в роли Абигейл¹⁷.

¹⁵ «Букварь Чайки» – книга английского драматурга и поэта елизаветинской эпохи Томаса Деккера (1572–1632), описание жизни лондонских модников и театралов.

¹⁶ Великая Тартария – термин, принятый в западноевропейской литературе и картографии для обозначения обширных областей от Каспия до Тихого океана и до границ Китая и Индии.

¹⁷ Абигейл (Абигайль) – библейский персонаж, третья жена царя Давида. Она была умной и расчетливой женщиной и знала, что красота женщин – сильнейшее

Процедуры эти начались сразу же после дневного отдыха и поначалу проводились в строжайшей секретности. Мисс Беллами лежала в постели. Флоренс, тихая и молчаливая, задернула шторы на окнах и принесла из ванной множество флаконов и баночек. Аккуратно удалила макияж с лица хозяйки, затем положила на закрытые веки влажные тампоны и принялась наносить слой из кашицы зеленоватой стягивающей маски на кожу. Мисс Беллами попробовала завести с ней разговор, но безрезультатно. В конце концов она нетерпеливо воскликнула:

– Да что с тобой такое? Зазналась, что ли? – Флоренс молчала. – Ради бога! – воскликнула мисс Беллами. – Может, обиделась на меня из-за той утренней истории?

Флоренс нанесла слой на верхнюю губу мисс Беллами.

– Эта дрянь страшно жжет, – с трудом пробормотала мисс Беллами. – Небось смешала неправильно?

Флоренс завершила наложение маски. Из-под нее мисс Беллами с трудом удалось проговорить:

– Ладно, пошла к чертям собачьим, дуться будешь там. – Затем она вспомнила, что во время процедур должна молчать, и лежала тихо, кипя от злости. Она слышала, как Флоренс вышла из комнаты. Десять минут спустя она вернулась и какое-то время просто стояла, созерцая зеленоватое невидящее лицо, затем принялась снимать маску.

Подготовка продолжалась в ледяном молчании, следуя

давно устоявшимся многочисленным ритуалам. Лицо разглядывалось, как под микроскопом, с величайшим вниманием. Волосы подвергались нешуточным испытаниям. Объект обработки находился в умелых и тактичных руках. И во время всех этих весьма интимных манипуляций Флоренс и мисс Беллами сохраняли полное молчание и не выдавали своих чувств даже мимикой. И лишь когда все процедуры были закончены, мисс Беллами распахнула дверь перед своими придворными.

В прошлом на церемонии присутствовали Пинки и Берти: первая в роли особо доверенного лица, второй – в качестве советника на последних этапах ритуала. Сегодня они не явились, и мисс Беллами вопреки всякой логике ощутила раздражение. Хотя былая ярость и улеглась, осадок все же остался, осел в глубине подсознания. И она понимала: достаточно малейшего повода, чтобы гнев вновь выплеснулся наружу.

Чарльз прибыл первым и застал ее уже полностью одетой. На ней красовался алый шифоновый наряд, довольно замысловатое сооружение с драпировками и свободно свисающими полосками ткани, тактично маскирующими талию и бедра. Низкий вырез декольте в самой «интригующей» своей точке украшали орхидеи и бриллианты. Бриллианты присутствовали также в виде брошей и застежек, сверкающими сталактитами свисали из ушей, искря и переливаясь, обхватывали шею и запястья – словом, она была ослепительна, вели-

колепна.

– Ну? – спросила Мэри и взглянула на мужа.

– Дорогая! – нежно произнес Чарльз. – Я потрясен.

Что-то в его голосе заставило ее насторожиться.

– Тебе не нравится, – пробормотала она. – Ну, говори, что не так?

– Да все просто потрясающе. Ты ослепительно хороша.

Флоренс открыла флакон с новыми духами и перелила его во флакон венецианского стекла с пульверизатором. В воздухе поплыл такой густой насыщенный аромат, что он казался почти видимым. Чарльз слегка поморщился.

– Считаешь, я слишком уж разрядилась, да, Чарльз? – спросила мисс Беллами.

– Всегда и во всем полагался только на твой вкус, – ответил он. – И выглядишь ты шикарно.

– Тогда чего ты скривился?

– Да этот запах. Пожалуй, с ним перебор. Он... ну...

– Что ну? Что с ним не так?

– Ну, немного не соответствует кругу, в котором мы встречаемся.

– Но это самый эксклюзивный и дорогой парфюм на рынке.

– Мне не слишком нравится это слово, «парфюм». Но в данном случае оно вполне соответствует.

– Сожалею, – высоким, почти визгливым голосом начала Мэри, – что ты находишь мой выбор слов столь не аристо-

кратичным.

– Но, Мэри, дорогая!

Флоренс завинтила крышечку пульверизатора и поставила его рядом с на четверть опустошенным флаконом новых духов на туалетный столик. А затем прошла в ванную комнату.

Чарльз Темплтон взял руки жены в свои и покрыл их поцелуями.

– Ах, – заметил он. – Вот это и есть твои настоящие духи.

– Последние капли.

– Придется подарить тебе еще.

Мэри сделала вид, что хочет убрать руки, но он не отпустил.

– Сделай мне одно одолжение, – сказал он. – Ладно? Никогда ни о чем не просил.

– Но Чарльз, дорогой! – нетерпеливо воскликнула она. – Что именно?

– Не надо пользоваться этими духами. Они такие вульгарные, Мэри. Вся комната ими уже пропахла.

Она окинула его гневным взглядом. Вся кожа в прыщах и веснушках. На носу выступила мелкая сеточка вен, глаза маленькие водянистые. То было лицо старика, причем очень непривлекательное.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.